

Артем Тихомиров

Приход ночи

Артем Тихомиров

Приход ночи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158792

Аннотация

Молодая женщина попадает в плен к маньяку и после нескольких дней в подвале заброшенного дома, потеряв всякую надежду на спасение, вдруг оказывается на свободе. Без глаз... Вынужденная жить в постоянном страхе, она обретает мистическим образом внутреннее зрение и решает самостоятельно бросить вызов своему кошмару. Она идет по следу. Возмездие убийце не за горами.

Содержание

Часть I. Украденные глаза	4
Глава первая	4
Глава вторая	9
Глава третья	14
Глава четвертая	19
Глава пятая	25
Глава шестая	31
Глава седьмая	33
Глава восьмая	34
Глава девятая	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Артем Тихомиров

Приход ночи

Часть I. Украденные глаза

Глава первая

Две порции пива наконец-то догнали меня. Это случилось на выходе из подземки. В голове началось верчение, и одновременно с этим накатила волна беспричинной радости.

Я шла вверх по скользким гранитным ступенькам, покрытым наледью, и на середине чуть не упала. Права нога поехала в сторону, и мне пришлось схватиться за Таню. Она что-то сказала, сейчас, не упомнить, и мы захохотали во все горло. Мимо шли люди и смотрели на нас косо, словно на чокнутых. Таня выпила больше меня на пол-литра, и ей идти было тяжелее. Обсуждая свою проблему с координацией, хохоча, мы еле доползли до верха.

Тут нам пришлось штурмовать тугие двери, открывающиеся в обе стороны, что оказалось нелегким делом. Мои ботинки так и разъезжались в стороны. Я напрягла ноги и навалилась на дверь всем телом. Мне стало еще смешней, когда Таня в свою очередь толкнула меня вперед.

– Так, все! Все, спокойно! – сказала она, когда мы оказались снаружи.

Ее округлое лицо разъехалось в нетрезвой улыбке. Я стояла, пошатываясь, и смеялась. От меня было много шума. Чтобы не привлекать внимание, я закрыла рот рукой в вязаной перчатке.

– Перестань, ну! – простионала Таня. – Все! Не то нас сейчас примут и в вытрезвяк...

– А ты была?

– Нет... Не бойся, женского вытрезвителя у нас в городе нет, – добавила она.

– Почему?

– Откуда я знаю?

Она выкатила глаза, и я снова засмеялась. От этого у меня скулы начало сводить судорогой.

Таня вытащила сигарету и стала закуривать, чиркая старой зажигалкой, работавшей на честном слове. Я наблюдала за ней, вдыхая прохладный воздух полной грудью и думая, что это поможет мне немного погасить эффект от выпитого. Так и закончился поход в пиццерию. Таня намеревалась расслабиться по полной программе и соблазнила на это меня. Но все-таки я влила в себя меньше на пол-литра – был повод для гордости.

Температура на улице опустилась до минус пяти – как минимум. Для середины ноября вполне нормально, можно сказать, хорошая погода. Мне было тепло, перед вылазкой в город, я надела джинсы с подкладкой, под них колготки с дырой на левой коленке, а сверху толстый свитер, на который натянула куртку с капюшоном. Так можно было ходить без шапки. Все последние дни была чуть не плюсовая погода, но обещали понижение, так что сегодня я приготовилась встретить холод во всеоружии. Прогноз не обманул. С непривычки пощипывало щеки и кончик носа.

Тане удалось зажечь свою сигарету, а мне было лень добираться до своей пачки. Я решила покурить на остановке, пока жду трамвай, и только эта мысль ушла, как рядом со мной появился бомж. Вырос точно из-под земли. В пальто неопределенного цвета, со спутанной бородой, источающий адское амбре. Его правая рука была занята сумкой, где лежали

смятые алюминиевые банки и пивные бутылки, а левая – с длинными грязными пальцами – потянулась в мою сторону.

Я заметила бродягу боковым зрением и успела отскочить. Таня оказалась у меня за спиной, в лицо мне прилетел дым от ее сигареты. Когда я увидела этого бродягу, мое сердце ушло в пятки.

Его рука так и тянулась в мою сторону, напоминая телескопическую трубу, и становилась как будто все длиннее.

– Поможете, чем можно? – спросил он.

Я мгновенно ощутила свойственную подвыпившим женщинам смелость.

– Ну чего надо? А? – спросила я, повысив голос.

– Поможете?.. Сколько не жалко... – пробормотал бродяга сквозь искривленные, когда-то, возможно, порванные губы и выбитые зубы.

Я покосилась на его руку-клешню и ощутила приступ тошноты. Принесла же него нелегкая!

– Нет. Ничего нет, – сказала я, все еще храбро.

– Мелочь. Только мелочь.

Речь его была неразборчивой, да я и не пыталась понять ее. Бомжи у меня всегда вызывали чувство брезгливости и омерзения. Я ничего не могла с этим поделать.

Пока я смотрела на его руку, мне в голову пришла сцена из романа «Худеющий». Там главного героя встречает старый цыган и касается его пальцем, насылая страшное древнее проклятье. Я ощутила себя героиней книги – до того было глупо. Сцена, казалось бы, рядовая, тривиальная: сказал, что нет ничего, и уходи... Но меня охватил испуг. Я даже колени подогнула, совсем забыв про Таню у себя за спиной.

Танька, она решительная. Выступив из-за меня, она протянула бродяге руку, в которой были зажаты медные десятички.

– Держи, – сказала она.

Я хотела крикнуть, чтобы она не прикасалась к его руке, но она этого и не сделала. Просто ловко ссыпала мелочь в его ладонь. Я ощутила облегчение, хотя и недолгое.

Бродяга стал засовывать деньги в карман и глядеть на меня так, словно я была прозрачная, стеклянная.

– *Ты потеряешь глаза. Тебе будет больно. Ты будешь очень бояться...*

Я не могу ошибаться, потому что с этих слов вся моя жизнь покатилась в тартарары. Он сказал именно это, слово в слово, и его речь была ясная, без шепелявости и сопения.

У меня промелькнула мысль, что это точно какая-то дурацкая, кем-то придуманная история. Что он там мелет? Интересно, что я ему сделала?.. Я сунула руку в карман, и мне попались ключи, холодный металл, прикоснувшийся к пальцам, придал мне уверенности и прояснил сознание. Алкоголь в крови уже не делал меня отважной и наглой, способной ответить хлестким словом на любой выпад. Снова я такая, какая есть. Я могу заплакать, если меня оскорбят, могу ненавидеть себя за нерешительность и восхищаться тем, как Таня умеет себя вести. А также завидовать ей.

Она взяла меня за локоть и сжала.

– Все, хватит.

Эти слова были обращены к бродяге. И тут он повторил то, что сказал в первый раз, с той же самой интонацией – с полной отрешенностью, но в то же время будто понимая, как нелепо это звучит:

– *Ты потеряешь глаза. Тебе будет больно. Ты будешь очень бояться.*

Я открыла рот, чтобы спросить, на полном серьезе, что он имеет в виду, но Таня уже тащила меня прочь от входа метро. Мы шли, скользя, по корке из черного льда и грязи. Таня следила за тем, чтобы я не упала. Ноги мои стали слабыми – до такой степени я перепугалась.

Через десять метров, у пешеходного перехода, я обернулась, но никакого бомжа возле спуска к станции не увидела. Кажется, это правда весьма неумная история из романа-триллера; но запах, сходивший от бродяги, и звук его голоса были настоящими...

Мы с Таней перешли на другую сторону, пропустив рейсовый «Икарус», и я попросила ее остановиться.

– Что?

Я освободила свою руку и отошла чуть в сторону от движущегося в сторону Северного автовокзала человеческого ручья. Я решила закурить, и стала рыться в поисках сигареты. Таня меня опередила и протянула свой «ЭлЭм». Я взяла, зажгла сигарету.

Сумерки сгущались, зажигалось все больше огней, и мороз с каждой минутой становился крепче. Я представила, чтобы как-то отвлечься и успокоиться, столбик термометра и отметку, ползущую все ниже. Куда там – успокоиться? У меня задрожали руки, и Таня это заметила.

– Ты чего? – спросила она.

– Не знаю. Наверное, замерзла.

– Ты из-за него, что ли? Да перестань. Все они ненормальные, дуреют от того, что пьют или нюхают. Нечего им верить. Ты не веришь?

– Не верю, конечно, – сказала я и подумала, что сумерки очень кстати. Они не позволяют Тане рассмотреть мое лицо, к которому прилила кровь. Сейчас оно наверняка темно-малинового цвета. Я всегда заливаюсь краской, когда попадаю в неприятную ситуацию или когда мне стыдно. Тут было и то, и другое. Неприятно из-за страха и омерзения при встрече с бродягой, и стыдно, что веду себя как дура... Вот подходящее слово. Дура!

Литр пива сделал из меня размазню, а Таня бодра и уверена в себе – как всегда.

– Пойдем, еще прогуляемся, – сказала она.

– Да не хочу я.

У меня закружилась голова. Я уже предчувствовала, что завтра мне будет дурно от выпитого.

– Все равно пойдешь. Со мной не поспоришь, – сказала Таня, беря меня за руку.

Я немного поупиралась, лопоча о том, что надо бы уже домой, отдыхать, спать, чтобы завтра быть в форме.

– Люда, завтра воскресенье, – возразила Таня, – зачем тебе форма?

Я не ответила, потому что она была права. Надо выкинуть из головы бомжа и его угрозы и посмотреть на все проще. Расслабиться. Если он разозлился на меня за то, что я не подала ему милостыню, значит, у меня были причины не давать. Я вообще этого не делаю. Правило без исключений. Моя мелочь их не спасет, в противном случае выходит, что я вознаграждаю попрошайничество. Таня предпочитает откупаться, так это ее право, а мое – стоять на своем.

Я постаралась забыть инцидент, но еще долго, пока мы не повернули за угол и станция не исчезла из вида, оглядывалась через плечо. Даже капюшон сняла ради такого дела. Казалось, бомж преследует меня и уже наступает на пятки, шепча свою белиберду – что я *потеряю* глаза...

Причем тут глаза? Какой во всем этом прячется смысл?

Я ничего не могла сообразить, не говоря уже о том, чтобы выдвинуть какую-нибудь версию. Я просто была пьяная. Я ненавидела свое слабование и нерешительность. Любой может бросить мне в лицо какую-нибудь гадость, а я не найду в себе сил ответить.

Оказывается, мне нужно так немного, чтобы потерять контроль над собой. Таня вела меня за руку, я тащилась за ней, словно ребенок, не желающий возвращаться с улицы домой. В какой-то момент разозлилась и выдернула пальцы. Остановилась.

– Я сама пойду.

Таня посмотрела на меня, от ее лица отражался свет уличных фонарей.

– Расслабься. Ты чего? Хочешь, я пойду найду этого типа и дам ему в глаз!

– Вот уж не надо.

Я представила, как Таня осуществляет свою идею. Она и в самом деле способна на такое, я ничуть не сомневаюсь.

– Все так хорошо начиналось, – сказала Таня.

Я улыбнулась и выдохнула дым. Бросила окурочек в сторону ближайшей урны, но промазала, и он покотился по ледяной корке на асфальте, светя красным. Подул ветер, гоня окурочек прочь.

Начиналось и впрямь хорошо. Я сидела дома и смотрела идиотские субботние программы, пила крепкий чай с лимоном и большим количеством сахара. Попутно читала «Шум прибоя» Юкио Мисимы, но без особого желания, хотя роман мне и нравился. Я надеялась, что у меня появится веская причина выйти на улицу; я не могла заставить себя слезть с дивана и предпринять какие-либо шаги в этом направлении и просто ждала сигнала со стороны. Этим сигналом оказался звонок Тани, моей спасительницы. Она была в приподнятом настроении, и сказала, что собирается совершить поход в пиццерию, либо просто поболтаться по улице. Погода была вполне подходящей для вояжа.

Я покочевряжилась для вида, сказав, что у меня куча дел и надо заниматься стиркой, но Таня отмахнулась от моего комариного писка. Она назначила встречу на нашем давнем месте, возле газетного киоска на Площади Пятого года. Я сказала, что немедленно выезжаю, и кинулась одеваться как сумасшедшая. Таня часто угадывает мое настроение, угадала и в этот раз. Собралась я быстро, окрыленная неопределенно-радужными перспективами провести часок другой с давней подружкой. Сбегая по лестницам со своего шестого этажа, я напевала что-то, как школьница, не подозревая, что скоро в моей жизни хорошие вести станут большой редкостью. Я добралась до места встречи на трамвае и вышла в прохладу ноябрьского дня. Была половина четвертого.

Возле газетного киоска многие ждали многих – как всегда. Таня прохаживалась возле угла здания, недавно переделанного под магазин, и курила. Она курит много. Я стараюсь вести максимально здоровый образ жизни, но это не очень получается. У меня не хватает воли признать, что я не могу удержаться от вина или пива и от сигарет, зато прекрасно научилась еще со студенческих времен обманывать себя.

Таня поцеловала меня в щеку, пожурив за десятиминутное опоздание. Я спросила, куда пойдем. Она ответила: куда угодно – ей лично все равно. И мы пошли по нашим старым маршрутам. Сначала выпили по банке энергетического напитка, после чего заглянули в пиццерию неподалеку от Плотинки. Когда-то мы там бывали чуть не каждую неделю по два раза, но с тех пор прошло много лет (так мне казалось). Было приятно посидеть и поностальгировать. И пусть это казалось глупым. Ум здесь не при чем. Мы с Таней учились в одном университете, хотя и на разных факультетах, и сохранили наши отношения почти в первозданном виде. Конечно, мы стали ближе и в жизни нашей кое-что поменялось, но в отличие от других знакомых, большинство из которых кануло в лету, мы по-прежнему не теряли друг друга из вида. Была ли между нами любовь? Вряд ли. И сейчас я могу сказать тоже самое. Таню не интересовали особи мужского пола, а я была «обычной натуралкой» (ее выражение). Если мы не переходили установленные границы, нам было комфортно и легко друг с другом. Я предпочитала именно ее общество в семи случаях из десяти.

После нашего старого заведения, где мы съели по маленькой пицце, Таня повела меня в бистро. Там мы выпили по бутылке пива. И дальше... Странная была прогулка, но я ни о чем не думала, и мы болтали не переставая и смеялись над каждой ерундой.

Простое и незатейливое времяпрепровождение – и все было бы великолепно, не появись этот бродяга. Его приход и нелепые слова – очень несправедливые, от которых хоте-

лось кричать и возмущаться – подействовали на меня как хороший удар по голове. Я злилась и была растеряна. Я не находила себе места, не зная, что дальше делать. То пиво, что я выпила, кажется, начало постепенно рассасываться.

Я поняла, что трезветь мне не хочется...

– И что ты думаешь? – спросила Таня, которая умела быть терпеливой и педагогичной. Ну еще бы, мы же обе заканчивали соответствующий университет. Она – факультет психологии, а я получила специальность историка.

Что я думала?

– Пошли – продолжим.

– Да? Ты ведь не хотела.

– Не буди во мне зверя, – улыбнулась я.

– Ой-ой... А я не боюсь хомячков! – Таня взяла меня за руку, и я не возражала. Мы пошли вдоль высоких темно-оранжевых домов, построенных еще в тридцатых годах двадцатого века. Улица была широкая и светлая. Фонари горели в полный накал, светились рекламные светоблоки и неоновые вывески, свет лился на улицу сквозь двойные стекла витрин.

Через пять минут я уже выбросила бомжа из головы, нет, не забыла его «пророческую» ахиною, а просто отодвинула ее подальше...

– Какое пиво хочешь? – спросила меня Таня, когда мы вошли в ближайший павильон.

– Никакого, – сказала я.

Она вопросительно приподняла бровь.

– Купим лучше вина, пойдем в магазин. Белого, полусладкого.

– Пойдем.

Таня больше любила сухое, но никогда не возражала, если я выбирала выпивку во время наших встреч. Вспомнив о том, что завтра воскресенье, я решила, что сегодня надеюсь до зеленых соплей, а там хоть трава не расти... К понедельнику очухаюсь. Не хотелось думать, что дело в этом бродяге и его болтовне. (Могу я расслабиться по собственной воле?..) Сама по себе неприятна мысль о том, что такая мелочь способна выбить меня из колеи. Я взрослая женщина, мне двадцать шесть лет, и почему моя жизнь должна зависеть от всяких психов? С этой мыслью я вошла вместе с Таней в магазин, чтобы купить вино.

Когда она предложила поехать к ней домой и там остаться до утра, я согласилась.

Глава вторая

1

Я ночевала в большой комнате на диване, который казался мне грубым деревянным топчаном. Или «постелью» для йогов, утыканной гвоздями... или пыточным столом...

Плохо... Самое мягкое определение... Во рту было кисло, а голова гудела и отзывалась болью при каждом движении. Невыносимо ужасное состояние. Я спала в одежде – сил раздеться, видимо, уже не нашлось. Плечи и спина были словно резиновые. Мышцы потеряли эластичность и болели.

Я откинула от себя плед. Я помню, что в ту минуту дала себе *новое* обещание если не бросить пить совсем, то по крайней мере жестко себя в этом ограничить. Похмелье я ненавижу.

Мне что-то снилось в пьяном бреду, что бывает редко, однако я ничего не помнила. Оставалось надеяться, что вчера ночью, вернее, сегодня, я вела себя прилично. Осмотр комнаты, где я спала, выявил отсутствие какие-либо разрушений, а это уже хорошо. Таня, видимо, еще спала, а на часах, висящих в простенке, была половина одиннадцатого.

Моя волосы превратились в копну перепутавшихся веревок, я «расчесала» их пятерней, стараясь пригладить. Эффект был незначительным. Я покрутила головой, преодолевая боль в мышцах, и застонала. Сейчас мне вряд ли помог бы и массаж, страдания могла облегчить только горячая ванна.

Встав с дивана, который не раз давал мне приют, я по привычке свернула красно-зеленый плед и сложила его квадратиком, пристроив на краю. Поправила диванные подушки, на которые тут же вскочила Танина серая пушистая кошка. Нюся посмотрела на меня так, словно напоминала, что это ее любимое место и лучше бы мне не злоупотреблять гостеприимством. Я погладила кошку, и та улеглась на подушке, свернувшись калачиком.

В квартире Тани было две комнаты, почти одинаковые по размеру. Также большая кухня и раздельный санузел. Таня жила в одиночестве, я ни разу не видела при ней постоянной подруги. За годы, что мы знакомы, девушки у нее менялись часто, но никогда не было долговременных связей. Я не понимала такой жизни и не пыталась вникнуть в ее специфику, зная, что все равно ничего не выйдет. Таня любила мягкие игрушки, ими были заставлены все горизонтальные поверхности в обеих комнатах. Игрушки появлялись у нее от подружек в качестве обычных презентов и подарков на день рождения; одна я подарила Тане около дюжины кошек и обезьянок. Самое интересное – и это часто наводило меня на определенные мысли, – что мои подарки сидели на *почетном* месте – на книжной полке над Таниной кроватью. На той же полке были и ее самые любимые книги. Много раз мне хотелось спросить, почему она ставит подаренных мной мягких существ именно туда, но боялась услышать ответ. Мы были близкими подругами, но мне становилось не по себе от мысли, что Таня может любить меня совсем в ином смысле. Я тщательно избегала обсуждения этой проблемы. Может, вы понимаете, о чем я говорю... для меня это было *проблемой*...

Я оглядела большую комнату. Сервант там же, где всегда, и стекла в нем целые. Обстановка не претерпела изменений с того момента, когда в последний раз бывала у Тани в гостях. В углу старенький письменный стол, на котором стоит компьютер, за который подруга еще не расплатилась. Ей осталось сделать два взноса. Телевизор на низком журнальном столике допотопной советской конструкции, удобный только тем, что он широкий и прочный. Возле балконной двери высился платяной шкаф, где, я помнила, было треснутое пополам стекло на внутренней стороне дверцы.

Квартира досталась Тане от отца, который умер семь лет назад, ее единственный родитель. Тут мы были с Таней похожи, я тоже росла в неполной семье, только меня воспитывала мать, скончавшаяся от тромба, попавшего в сердце, пять лет назад. У нас обеих больше не было родственников и, вероятно, еще и поэтому мы тянулись друг к другу.

Так, значит, я не устроила разгром. Отлично. Хотя какие-то хорошие новости. Ненавижу, когда память закрывает от меня подробности гулянки, что была накануне.

2

Кровать Тани была заправлена, а в спальне ни малейшего следа хозяйки. Я стояла в дверном проеме, не понимая, в чем дело.

Вид пустой кровати и порядка, наведенного в комнате после ночных посиделок, пугал меня и путал мысли в голове, которой и так пришлось нелегко.

Я держалась за косяк левой рукой, а правой теребила ворот свитера. Мне было жарко. От испуга кровь быстрее побежал по телу, и свитер стал невыносимо тяжелым. Я заставила себя подумать как следует над тем, что вижу. Половина одиннадцатого утра, Таня вполне могла пойти в магазин, и решила не будить меня до своего возвращения. Очень логично.

Вчера мы сидели на полу в этой комнате и пили вино из коробки. Мы купили шесть литров, но вдвоем едва осилили одну упаковку. Мы курили и разговаривали, подливая себе вина из пластмассового краника. Мне вспоминались студенческие дни, глупая ностальгия смешила, и когда Таня спросила, почему я смеюсь, я обратила все в шутку, анекдот.

Я подняла глаза на открытую форточку и вдохнула воздух. В нем почти не было запаха табака, да и винный перегар уже успел улетучиться.

Таня пошла в магазин, сказала я себе. Думая, что это поможет мне немного прийти в себя, я ущипнула предплечье с внутренней стороны, где кожа тоньше. Боль была, но не сказать, что голова прояснилась. С этой констатацией я поплелась на кухню и там нашла подтверждение своей гипотезе.

На столе, прижатая перечницей, лежала записка на кусочке бумаги в клеточку. В ней Таня извещала меня, что отправилась купить что-нибудь перекусить. Будет примерно через полчаса. «Если хочешь пить, в холодильнике есть еще неплохое молоко», – добавила Таня внизу. Ей было известно, что к молоку я отношусь с маниакальной щепетильностью. Если оно чуть подкисло или даже заимело этот запах, а на вкус нормальное, я не стану его пить. Это предубеждение во мне укоренилось с детства, и истоков его я не знала. Я достала из сушилки кружку с толстыми стенками и забралась в холодильник. Молоко было в пластмассовой темно-синей канистре. Я открыла ее и сунула туда нос. Кажется, и правда нормальное.

Я стянула свитер, оставшись в красной футболке, и сразу почувствовала, что мне легче. И молоко было ледяным. Я налила полную кружку и стала пить. Выдув одним махом половину, перевела дыхание.

Многу овладело спокойствие, я чувствовала умиротворение. Так бывает только с похмелья, когда тело находится в состоянии, близком к анабиозу, и тебе удастся принять надлежащую позу, чтобы не беспокоить его. Я сидела на табуретке, обтянутой тканью, и опиралась спиной о стену, выложенную кафелем.

Вот оно! Я совсем забыла про бродягу и ту памятную встречу у метро...

«Ты потеряешь глаза. Тебе будет больно. Ты будешь очень бояться». Я запомнила его слова, они отпечатались в моем сознании словно тавро. Ощущение омерзительное. У меня перед глазами опять была рука этого бомжа и спутанные волосы нечесаной бороды.

Я сжала зубы и отставила кружку с молоком, но тут же взяла ее вновь, назло. Я выпила остатки, думая, что чего бы ни добивался бродяга своим бредом, он сумел-таки вселить в

меня тревогу и неуверенность. И снилось мне, похоже, нечто на эту тему. Хорошо, что я не помню. Мне это не нужно.

Итак, у меня куча дел: принять ванну, привести себя в порядок, помочь Тане с завтраком и поехать домой более-менее пришедшей в норму... Есть чем заняться и не думать о идиотских высказываниях «бывшего интеллигентного человека». Я встала со всей решимость, на которую была способна, и пошла в ванную.

3

У Тани имелся для меня аварийный набор, состоящий из большущего полотенца, тюбика пасты, щетки, упаковки тампонов и салфеток, а также кусок мыла и шампунь. Я могла воспользоваться всем этим на случай, если остаюсь ночевать. Как сейчас, например. Таня всегда была предусмотрительная. Она не позволяла мне обновлять шампунь, пасту и мыло и делал это сама, невзирая на мои протесты. Я решила, что раз Тане доставляет удовольствие проявлять обо мне такую заботу, я не могу ей запретить, даже если мне неприятно.

Я достала свой стратегический набор из шкафчика над раковиной и включила горячую воду. Раньше я находила в ванной комнате следы, оставленные Таниными подружками, молчаливые и забавные артефакты ее мимолетных увлечений. Иногда попадались трусики, иногда щетки для волос, станки для бритья ног, заколки, духи, карандаши помады, сережки, колготки, непарные носки, бюстгалтеры. Один раз была маленькая блестящая штучковина, похожая на гантельку. Я долго рассматривала ее, пока не поняла, что это предназначено для пирсинга. Кто-то вытащил гантельку из пупка или брови и, уходя, забыл вернуть на место. Таня почти ничего не рассказывала мне о своих любовницах, но у меня сложилось впечатление, что все они настоящие растеряхи. Я за своими вещами слежу тщательно и просто сгорела бы от стыда, если бы позабыла где-нибудь плавки. Мама приучила меня ничего не оставлять. Забытая вещь – это мелочь, а из мелочей складывается облик человека, говорила она. Истинная правда – по мелочам узнается человек. Сама Таня похожа на меня с моим стремлением быть аккуратной.

На этот раз я не заметила никаких следов другой женщины. Появилось даже легкое разочарование. Таня себе так никого и не нашла.

Ванна почти наполнилась, я попробовала, как вода, подбавила чуть холодной, сбросила одежду и забралась по самое горлышко. Обычно это помогает избавиться от похмелья. Я закрыла глаза, позволяя телу расслабиться. По коже побежали мурашки, и от удовольствия я чуть не застонала.

Струйка воды продолжала стекать в ванну. Я не любила, когда слишком тихо, мне требовался какой-никакой фон, а без него я ощущала себя неудобно. Хорошо. Я постаралась отрешиться ото всех мыслей о вчерашнем. Я не помнила наших с Таней разговоров за вином, да это было и не важно. Еще сто раз будут повторяться эти посиделки, и сценарий их будет тем же самым: сначала мы плавно переходили из одной темы в другую, потом, когда градус опьянения повысился, стали перескакивать и забывать про начатое. Никаких открытий, ничего нового, но все-таки приятно. Если бы наутро не пришлось платить за удовольствие по полной программе, то было бы совсем хорошо.

4

Прошло несколько минут, и я поймала себя на том, что вспоминаю свое столкновение с бомжем возле метро. Картинка предстала передо мной яркая и детальная...

Я разозлилась настолько, что открыла глаза и села. Будто и сейчас я чувствовала вонь от бродяги, доносимую до моих ноздрей стильным ноябрьским ветерком.

– Что такое-то, в самом деле? – спросила я тихо, не удержавшись.

Зачерпнув горячей воды, я окатила ею лицо. Мысль о бродяге зудела в голове, куда я не могла добраться. Так чешется место на спине, недоступное для рук.

Я провела мокрыми руками по волосам, приклеивая их в голове.

Что теперь делать? Я начинала паниковать, при этом отчетливо понимая, что причин для этого нет никаких. *Объективных* причин, по крайней мере.

Как теперь я помню, что подняла пальцы и приложила их к своим глазам, точно убеждаясь в их существовании. Глазные яблоки и их движение под кожей век я чувствовала подушечками пальцев. Радужка серо-голубая, черный зрачок. Сотни и тысячи раз я видела их, глядя на себя в зеркало, подкрашивая ресницы и изредка используя тени.

В один распрекрасный день какой-то грязный человек говорит мне, что я их потеряю... Как прикажете на это реагировать?

Таня всегда подшучивала над моей впечатлительностью, даже мнительностью, и втайне я признавала за собой это свойство. Я такая, какая есть, такой у меня темперамент. Я стараюсь держать эмоции при себе, и почти всегда получается, но бывает, что они выходят из-под контроля, особенно, когда на меня воздействуют негативно.

Я подумала, что на меня наслали проклятие. Как в том романе – «Худеющий». Бомж сглазил меня, и я попала во власть темной силы...

Чушь несусветная. Никто не виноват, что у него не все в порядке с головой, и меньше всего те люди, которым он сообщает такие «новости». Я представила, как бомж говорит всем и каждому, кто отказал ему в милостыне, подобные слова. От этой мысли сделалось немного легче, разделить с кем-нибудь свои страхи всегда приятно...

Мне показалось, что вернулась Таня. За дверью ванной кто-то был. Я прислушалась, ожидая уловить, как Таня идет из прихожей на кухню, топая пятками по линолеуму. На что был похож этот звук? Трудно его к чему-то отнести. Слишком неопределенный.

Выключив воду, я стала слушать, однако наткнулась на тишину. Не абсолютную, конечно. Где-то далеко заурчало в трубах. В нижней квартире, на третьем этаже, что-тобрякнуло и затихло. Ничего больше я не уловила и просто сидела в воде, боясь пошевелиться.

Кажется, у меня начинаются сдвиги. Мне показалось, что Таня вернулась, но, выходит, это ошибка. Замечательно.

Звук за дверью мог исходить от кошки, однако мне не очень верилось, что Нюся способна так сильно надавить лапами на пол. Я слышала тихий скрип спрятанных под линолеумом половиц – вот на что был похож этот звук.

Нет, скрип не был *тихим*, ведь в это время здесь текла вода и тонкая рваная струйка производила шум...

Меня бросило в жар. Может быть, Таня уже на кухне и готовит завтрак, а зашла она тихо потому, что боялась меня разбудить. Я ухватила за эту светлую спасительную мысль. Очень не хотелось признаваться самой себе, что я жутко боюсь. Здесь никогда со мной такого не случалось, и с чего мне было бояться? Я почему-то всегда думала о Таниной квартире, что это самое безопасное место. Убежище. Пристанище. Тихая гавань.

Может быть, фактически это не соответствовало действительности, но мне хотелось так считать.

Стали появляться и другие мысли, совершенно лишённые логики и основания. С Таней могло произойти несчастье. Больше она сюда не вернется – пропадет без вести, ее станут искать, но так и не найдут... Квартира, игрушки, компьютер, за который не выплачен кредит, кошка – все это останется без хозяйки. И я останусь – без лучшей подружки.

Я съежилась сидя в горячей воде, а через полминуты вновь стала крутить краны. Немного приподняла пробку, чтобы избежать излишнего наполнения. Я мылась, забыв о

том, что намеревалась пролежать в ванне минут двадцать-тридцать, и все прислушивалась к звукам снаружи. Точнее, к тишине, отделенной от меня журчащей водой.

Тот звук больше не повторился, и я дала себе категоричный приказ: *прекрати забивать голову тем, чего не было!*

Быстро, но как можно более тщательно я прополоскала голову и выскочила из ванны. Схватила полотенце, начала вытираться, прилагая такие усилия, словно от того, буду ли я сухая через три минуты, зависела моя жизнь. Я приостановилась, когда руки заболели от напряжения. Подожди, куда так спешить?

Я стояла на резиновом коврикe, холодном и неприятном, и смотрела на себя в зеркало. Чуть припухшее лицо, светлые мокрые волосы по бокам головы, тонковатые губы, которые мне никогда не нравились, доставшиеся от матери.

Тревога не рассеялась, только немного отошла в тень и оттуда поблескивала хитрыми глазками. Я выдернула пробку из ванны и еще раз прошла полотенцем по всему телу. Им же повязала голову и надела бежевый банный халат, висевший на пластмассовом крючке.

Сердце билось как ненормальное, но это могло быть следствием слишком большого количества выкуренных вчера сигарет. Я приложила руку к груди, сделав несколько глубоких вдохов. Даже голова закружилась. Отыскав стоптанные тапочки под раковиной возле ведра со щеткой, я запихнула в них ноги. Я оттягивала момент, когда надо будет выйти из ванной комнаты, надеясь, что за это время Таня вернется из магазина.

Она не вернулась.

Я взялась за шпингалет и потянула его в сторону. Дверь открылась. Мне пришлось выйти в коридор.

Глава третья

1

Тани еще не было, и я испытала облегчение. Лучше бы она не видела меня в таком состоянии. На моем лице отражается каждая мысль, а главное – страх. Я чувствовала, что из-за него мои глаза светят как лампочки. Мне не объяснить, в чем дело... Начну мямлить, и Таня опять будет смотреть на меня так, словно я чокнутая. Да я и сама себя чокнутой чувствовала.

Я прокралась в коридор, прислушиваясь. Остановка. Дальше. Я сжимала обеими руками халат у себя на груди и семенила в сторону кухни. Там никого нет.

Квартира была пустынна и создавала впечатление заброшенности, и это меня поразило в самое сердце.

День не задался главным образом из-за того, что я позволила своему воображению разыграться не на шутку. Просто детский сад какой-то.

Снова мне пришлось вступить в нелегкие переговоры с собой, убеждая успокоиться и мыслить здраво. Пустая квартира – ну и что? Это не повод окунаться в параноидальный бред...

Я подавила желание дернуть себя за волосы, чтобы изгнать из головы всю эту дурь. А рука так и тянулась.

Кухня позади. Я добросовестно обследовала две комнаты, сначала спальню, потом большую. Обстановка та, что я и оставила, уходя в ванную.

Возвращаясь на кухню, я немного успокоилась и по пути заметила, что Нюси нет на подушке, где она устроилась спать. Только шерсть, которую кошка оставляла всюду. Я взглянула на часы: пять минут двенадцатого. Таня отсутствует примерно сорок-сорок пять минут. Может, все пятьдесят. Или час, подумала я, глядя на посуду в сушилке. Она встала рано и привела в порядок комнату, помыла тарелки, кружки, из которых мы пили. Наверное, и мешок с мусором выбросила по пути в магазин. Я села на табурет, чувствуя угрызения совести. Таня – трудолюбивая пчелка, а я просто ленивый, наглый мешок с костями.

Я огляделась в поисках того, чем бы загладить свою вину. Пол помыть? Но пол чистый. Пропылесосить? Тоже неудачно. Таня, вообще-то, не любит, когда без разрешения делаешь подобные вещи. Я вздохнула. Даже раковина в мойке была чистой, и на дне ни единой грязной ложки.

Я сходила за сигаретами, в кармане куртки отыскалась пачка, наполненная на одну треть. Вернувшись на кухню, я открыла форточку, достала пепельницу и задымила.

Что-то, однако, меня тревожило. Зуд из головы переместился в грудь. Нечто не давало мне покоя. Мозг, видимо, еще не проснулся целиком, хотя тело пришло в норму, раз я могла курить. Мысли ворочались еле-еле.

Хотела проверить сотовый, но сейчас эта мысль показалась катастрофически нелепой. Мне никого не хотелось видеть или слышать, ни от кого не хотелось получать эсэмэски. Моя типичная реакция на похмелье: хочется забиться в темную норку, свернуться там калачиком и отгородиться от всего. Частенько в детстве я представляла себе, что я маленькая серенькая мышка, которая живет как раз в таком месте. Ложась спать, я всякий раз думала о тех километрах, что разделяют меня и поверхность земли. Под большим тяжелым одеялом я чувствовала себя в безопасности. Ничто не могло меня потревожить, пока я под землей в своем убежище.

2

Я потушила окурок, не заметив, что сигарета выкурена лишь наполовину. Встала, и моя нога задела что-то мягкое, лежащее под табуреткой.

На меня сразу нахлынула все сметающая волна противоречивых ощущений. Это был мой свитер, который я сняла перед походом в ванную. Я бросила его здесь... и, видимо, он упал на пол, свесившись.

Я наклонилась и подняла свитер. Держа его на вытянутой руке, словно дохлую кошку, я долго не могла сообразить, что меня в нем смущает. Потом сообразила: когда я стянула его через голову, он был на левой стороне, а сейчас на правой.

Когда я успела его вывернуть? В тот же момент? Но я не помню.

Не помню, чтобы делала это! Свитер вывернут, ворот расправлен, края рукавов не загнуты. У меня пересохло во рту, я сжала губы, потом закусил их и посмотрела на стол, где должна была стоять кружка, из которой я пила молоко. Кружки не было... там, где я ее оставила. Стол вообще был пустым, если не считать закрытой пластмассовой хлебницы и пепельницы с моим окурком.

Я положила свитер на табуретку, копаясь в памяти в поисках воспоминаний о том, как выворачивала его на правую сторону. Ничего путного не попадалось. Я посмотрела в сушилку с посудой и увидела кружку, вымытую, еще даже мокрую. Мое оцепенение длилось долго, пока я не подошла и не набралась смелости взять ее в руки. Действительно, кружка мокрая.

Не понимая, что я творю, я протянула руку к полотенцам, висящим на стене слева, и потрогала каждое. Третье, самое близкое к мойке, было влажным у края, где торчала обрям-кавшаяся бахрома. Тут мне в грудь словно впрыснули дозу крутого кипятка, сердце подпрыгнуло, сжалось, потом затрепетало. Я могла принести клятву на чем угодно и кому угодно, что не мыла кружку после того, как выпила молоко.

Я опустила на колени и стала рассматривать пол, но ничего не нашла. Если и были на линолеуме капельки воды, то они или высохли, или вообще не падали сюда. Полотенце на голове мешало, и я бросила его на табурет, поверх свитера. Я продвигалась все дальше, из кухни в коридор и в прихожую. Встала, включила свет, чтобы лучше видеть.

Ползая на четвереньках, я искала следы, пока не сообразила, чем же на самом деле занимаюсь. Потом вскочила и хотела кинуться бежать. Но бежать как раз и некуда. Во всяком случае, не в таком виде, голышом, в халате и тапочках, стоптанных внутрь. Я устояла на входную дверь, четко и ясно осознавая вывод из всего происшедшего. Кто приходил в квартиру, пока я была в ванной. Этот кто-то вымыл кружку и вывернул свитер на правую сторону, но почему-то бросил его на пол, под табуретку. Зачем же, если кружка все равно выдала его посещение? Я прислонилась к стене, чувствуя нарастающую слабость в ногах и жгучий холод в районе солнечного сплетения. Могла придти Таня, что-нибудь забывшая. Почему же тогда она не дала о себе знать?

Значит, это его шаги я слышала, приняв их за Танины. *Его*... кем бы он ни был.

Так, а если у кого-нибудь из подружек Тани были свои ключи? Или есть у какой-нибудь любовницы сейчас, в данный момент, и она может придти сюда, когда ей вздумается? Тане не обязательно уведомлять меня о своей личной жизни.

Я подошла к внутренней двери и проверила замки, нижний и верхний. Заперты – в этом не было сомнений с самого начала. Таня пользуется обоими, когда уходит из дома. Закрыта и железная дверь – там тоже есть замок. Но... – металлический засов не задвинут... Это могла бы сделать я, если бы Таня попросила меня перед уходом, но она не стала нарушать мой сон. Я пыталась привязать новую гипотетическую подружку Тани к своей версии, но

выходило плохо. Я не видела логики в ее действиях. Не зная обо мне, девушка могла бы поинтересоваться, кто занимает ванную, и дожждаться, когда я выйду.

Вместо этого «она» выворачивает мой свитер, словно заботливая мама, моет кружку, а потом исчезает. Это же просто идиотизм.

Я задвинула цилиндрический засов (проклятая железка скрипнула!) и почувствовала, как сильно и быстро колотится сердце. Потом посмотрела в глазок на пустую лестничную площадку. В эти мгновения я почти ничего не осознавала – ни что делаю, ни чего хочу добиться. Внутри меня все тряслось от ужаса. В голову стала лезть всякая дрянь.

Отступая от входной двери и боясь повернуться к ней спиной, я добралась ванной. Под моей ногой скрипнул пол, и этот звук я мгновенно узнала. Тот же самый, что я слышала. Скрип половицы, чуть приглушенный линолеумом с основой, но все-таки громкий. Душа у меня сорвалась с места, падая куда-то вниз. Я прижалась к простенку между ванной и туалетом. Этот неизвестный человек был здесь, возле меня. Вероятно, он наступил сюда случайно и выдал свое присутствие... Это опровергало версию о Тане. Или нет?

Я ничего не понимала, осознавая лишь, что запутываюсь все больше. Точно известно одно: пока я сидела в ванне, некто вошел в квартиру, а затем ретировался, почти не оставив следов. Непонятно, в чем был смысл его действий. Наверное, продемонстрировать мне, что ему ничего не стоит войти. Однако не я тут хозяйка... Я провела по лицу руками, прошла на кухню и взяла свитер. Я зарылась в него носом, стараясь уловить посторонние запахи, но влажное полотенце, лежавшее сверху, пахнувшее шампунем и мылом, скорее всего, уничтожило следы. Я ничего не добилась. Возможно, этот человек – мужчина – был в печатках. От этой мысли меня замутило. Я бросила свитер и вспомнила о Нюсе.

В большой комнате ее не было. Я позвала кошку по имени, потом универсальным «кис-кис», но Нюся не откликнулась. Обычно после пары минут уговоров она появлялась с гордым видом, словно решила-таки снизойти до людишек. Я ждала, Нюси не приходила.

Кошку мог украсть этот *некто*. Зачем? Я помассировала виски, оглядела комнату, все углы. Потом двинулась в спальню Тани. Нюся нашлась под кроватью. Толстая и пушистая, она умудрилась втиснуться в узкое пространство между полом и матрасом. Я опустилась на четвереньки, мокрые волосы коснулись края ковра. Нюся смотрела на меня большими зелеными глазами, внимательно, выжидающе. Она словно ждала продолжения. Я подумала, что кошка знает и видела больше, чем я, и не могла вспомнить, забиралась ли Нюся под эту кровать когда-либо при мне.

– Пойдем. Кис-кис. Я дам тебе чего-нибудь, – сказала я, протянув руку.

Кошка была насторожена, ее уши прижались к черепу, но она не вцепилась мне в пальцы, а только обнюхала их, после чего позволила вытянуть себя из-под кровати. Мышцы у Нюси напряглись, когда я прижала ее к себе. После нескольких поглаживаний она расслабилась.

Я села на кровать и погрузила нос кошке в шерсть, как до того в свитер. Если «некто» брал ее на руки, то, возможно, в шерсти останется его запах. Я обнюхала Нюсю едва ли не с ног до головы, видя ее недоуменное выражение на морде. Ничего определенного нельзя было сказать. Кошка пахла самой собой, кремом для рук, которым пользовалась Таня, немного духами, и пылью, так как ее давно не мыли. У меня не настолько тонкое обоняние, чтобы вычленить из массы запахов какой-то конкретный и идентифицировать его. Скорее всего, Нюся просто ретировалась со своей любимой подушки и прибежала сюда прятаться. Так или иначе, это значило, что кошка испугалась чужого.

Я отпустила Нюсю на пол, она пару раз дернула хвостом и пошла прочь из спальни.

3

Тани до сих пор не было. Я сидела на кухне и курила. В пачке оставалось только две сигареты, под потолком уже клубились табачные облака, с которыми не в силах был справиться даже сквозняк.

Я посмотрела на круглые черные часы, висящие на стене. Секундная стрелка, подергиваясь, ползла по циферблату, и мне оставалось только безропотно констатировать, что прошло уже слишком много времени. В самом деле? Я заставила себя посмотреть внимательно. Час дня. И Тани нет.

Десять минут назад, когда мне пришла мысль все-таки позвонить ей на мобильник, я нашла его на тумбочке в спальне и чуть не швырнула об стену. Таня редко куда-либо выходила без телефона, из чего я могла заключить, что она не собиралась надолго отлучаться. Час дня – ровно. Какой кошмар! Я убивала время как могла, одновременно не на жизнь, а на смерть сражаясь с фантомами, заполняющими мою бедную голову.

Мое воображение (мое проклятье!) разыгралось, рисуя страшные картины. Оно нашептывало мне, что Таня умерла, погибла, была похищена каким-то ненормальным. И это тот самый псих-невидимка, который приходил сюда на разведку и трогал мой свитер – и совершенно логично, что он вернется выпустить кишки мне...

Ожидая, я то слонялась по квартире, то слушала радио на Танином старом бумбоксе, то включала телевизор. Мне надо было развеять тишину, как-то заполнить каверну, образовавшуюся в этом дне, но одновременно я боялась пропустить момент, когда вернется невидимка...

Он не вернется! Его никогда не было, потому что свитер вывернула я сама и кружку помыла... потому что я аккуратная и прилежная девочка, которая помнит о мелочах. Мама привила мне хорошие манеры, сомневаться не приходится. Нет никакого «некто» – просто после вчерашнего голова у меня не в порядке, а моя впечатлительность вновь играет со мной злые шутки. Пора привыкнуть к этому, надо жить в реальном мире.

Ожидание было пыткой. Я выключила телевизор, так как все равно смотрела сквозь изображение в пустоту, и пошла на кухню.

И вот я приканчиваю оставшиеся в пачке сигареты, ожидая звонка в дверь.

Рядом с пепельницей лежал мой сотовый. Со вчерашнего вечера пришли три эсэмэски. Одна от коллеги по работе – незначительный вопрос, на который я сразу ответила. Второе пришло от старого приятеля (ладно, бывшего парня), с которым у нас были недолгие, но близкие отношения на последнем курсе университета. Леша спрашивал, как жизнь и что я делаю обычно в выходные дни – разумеется, с таким расчетом, чтобы потом вытащить меня на встречу. Я не хотела этого – душа не лежала. Ни сегодня, ни в ближайшее время свидание с ним не состоится. Пока я не видела в нем смысла.

Третье сообщение пришло от Артура, моего «нового приятеля». Собственно, он не новый и не приятель в прямом смысле слова. Артур считает, что любит меня и показывает это довольно часто, мы даже встречаемся время от времени, но лишь как... больше подошло бы определение «товарищи по интересам». Интерес состоял в том, чтобы пообщаться, погулять, поболтать на разные темы – здесь Артур был мастер; казалось, он разбирался во всем, чего мы касались в разговорах, хотя бы понемногу. На все у него находился ответ. Я не позволяла Артуру выказывать свои чувства и старалась держать дистанцию. Испытывая к нему безусловную симпатию, я была не в силах его полюбить. Я не знала, почему так сложилось, но предпочитала видеть в нем только друга и всячески стремилась гасить разговоры на тему наших отношений. Боялась обидеть. Мужчины не любят дружбы, она их унижает. Пока Артур лелеет надежду, он будет общаться со мной. Может, я неправильно поступаю,

подпитывая его иллюзии, но мне было бы жаль потерять такого друга и собеседника. Таня была знакома с ним, мы несколько раз вместе гуляли и сидели в кафе, иногда он появлялся здесь, в те моменты, когда я забежала к подруге. Таня говорила, что Артур чересчур старается казаться джентльменом, даже с ней. По ее словам, его стремление быть нейтрально-вежливым в отношении нее смешно, хотя временами довольно симпатично. Она подшучивала над ним за глаза, не видя в этом ничего предосудительного. Мне трудно понять и принять чувства Тани (у которой всегда свое мнение), но я не вступала ни в какие споры.

С Артуром мы познакомились в книжном магазине. Его улыбка и авторитетный ответ на вопрос, который я задала, принудил меня нарушить правило не связываться с мужчинами на улице. Я сказала себе, что раз наша встреча произошла в таком месте, то можно, ничего страшного. Тогда я искала роман Юкио Мисимы «Золотой храм», но не нашла его, на стеллаже лежал другой – «Шум прибора». Я спросила у молодого человека, стоящего рядом, знает ли он эту вещь. Он ответил, что да, и порекомендовал купить. Я купила и успела с тех пор прочесть трижды. «Золотой храм», который я искала как подарок на день рождения одной подруги, я достала в другом магазине.

С той поры уже почти три года мы с Артуром общаемся и умело избегаем «окончательного решения». Я знала, что буду сожалеть, если после отказа он исчезнет с моего горизонта.

На этот раз Артур писал: «Привет, мы не виделись три недели (подсчитано). Я, наверное, мешаю, и ты занята, но прошу тебя мне позвонить. Может, просто поболтаем по телефону? Соскучился. Удачи. А.». Он никогда не делал ошибок в эсэмесках, всегда соблюдал прописные буквы и не забывал о знаках препинания. Если Артур слал сообщения по электронной почте, там тоже все было безукоризненно. Есть люди, у которых грамотность в крови, они просто не в состоянии ошибиться на письме. Я же всегда где-нибудь напортачу, за что мне всегда жутко стыдно. А все потому, что часто витаю в облаках и это мешает мне сосредоточиться. Такая проблема у меня с первого класса.

Прочитав сообщение Артура, я ощутила призрачное спокойствие, но оно быстро улетучилось, как только я вспомнила, где нахожусь и что случилось. Отвечать ему я была пока не в состоянии. Мои руки дрожали, я даже не замечала падающего на столешницу пепла.

Я попыталась думать о Леше, вспоминать, как все у нас было, потом переключилась на Артура, но и его образ вывели мрачные мысли.

Если бы Таня не оставила сотовый дома, я бы позвонила ей и устроила такой разнос, который она бы надолго запомнила. На всю оставшуюся жизнь.

Очередная сигарета сгорела, я потушила ее, чувствуя, как язык начинает саднить от табачной слюны. Ссыпала пепел на ладонь, а его в раковину и помыла руки, представляя стоящего на моем месте человека, который споласкивает кружку из-под молока. Почему-то я чувствовала себя грязной, будто меня облапали.

Пора одеться. В квартире, где долго были открыты форточки, стало холодно. Под халатом я была без всего. Я отправилась в ванную, взяла одежду и переоделась в спальне. Чем теперь заняться? Читать? Смотреть телевизор? Все это казалось бессмысленным. Я вышла в залу и поглядела на компьютер. Играть тоже не хотелось. Ну разве в то, где не надо думать, зато можно убить время.

Я сделала шаг к компьютеру, и услышала звук дверного звонка. Я чуть не заорала.

Глава четвертая

1

– Привет, – сказала Таня, входя в прихожую.

Я стояла и взидала на нее, не зная, что ответить. Как всегда – репетируешь, проигрываешь то один сценарий, то другой, а потом стоишь не в силах рта раскрыть.

От Тани пахло пивом.

– Ты где была-то так долго? – спросила я, пытаюсь изобразить нормальный тон.

Похоже, все было банально. Просто. Я ощутила стыд и обиду. Таня закрыла дверь, задвинула засов и протянула мне пакет с продуктами. Я медлила, не брала.

– Ты чего? – спросила Таня.

– Ты очень долго ходила. Магазин рядом, я помню... – Ну неужели надо разораться, чтобы она поняла, как мне было без нее плохо? Чего я только не передумала за это время!

– А...

Я взяла пакет. Таня села на старую тумбочку, развязала ботинки, покрытые сзади свежими пятнами грязи. Сняв обувь, она улыбнулась. Нет, Таня не пьяная, как я думала сначала.

– Я встретила знакомую, давнюю, ты ее не знаешь. Учились в школе вместе. Заболтались о том о сем, понимаешь. Потом она предложила заглянуть в кафешку в супермаркете. Мы поговорили и выпили по пиву. Очень кстати, потому что голова у меня болела.

Сняв вязаную шапку, Таня взъерошила короткие волосы.

– Есть охота. Поставь чайник, пожалуйста. И воду, полкастрюли на рожки.

Я промолчала, кипя от злости, и ушла на кухню. Таня прошла в ванну, и там зашумела вода.

– Ты ела чего-нибудь? – спросила она.

– Нет, – крикнула я. – Только молоко пила... – Воспоминания о молоке снова вывели меня из равновесия. – Да у тебя тут ничего почти и нет.

– Ага, – отозвалась Таня из-за шума воды.

Я вынула из пакета коробку с молоком, коробку с кефиром, упаковку печенья, одна сторона которого была покрыта шоколадом, полкило куриной ветчины, десяток яиц, упаковку рожек, упаковку сосисок, пластмассовую бутылочку кетчупа с чесноком, майонез, мешок с луком, двести грамм карамели, сливочное масло, хлеб-нарезку. Я раскладывала все это на столешнице, стараясь экономить место, как привыкла, и думая о визите невидимки. Рассказывать Тане или нет? За то время, пока я ее ждала, так и не решила определенно. Мысли путались – что тогда, что сейчас.

Допустим, она мне не поверит, скажет – выдумала. С другой стороны, этот визит напрямую касается ее личной безопасности, разве не так? По ее дому шастает неизвестный тип с неизвестными намерениями, а Таня живет одна... Я подумала и почувствовала, как напрягаются волоски на затылке. Неизвестный мог уже давно совершать вылазки в ее квартиру... И Таня ни о чем не подозревает. Узнай я, что нечто подобное происходит со мной, я бы, наверное, сошла с ума и тут же убежала из дома куда глаза глядят.

Вся злость успела выйти из меня, я чувствовала себя самой обыкновенной душой. Столько всего напридумывала, готовясь к тому, что получу ужасные вести, а Таня вернулась, живая и подвыпившая. Это хорошо, но только мое воображение опять сделало из меня посмешище. Достаточно и того, что перед самой собой. Я была зла на себя.

– Ну и надумала, – сказала Таня, входя на кухню. Она промокала мокрое лицо, никогда не знавшее ни туши, ни помады, ни теней, ничего подобного. По ее словам, когда-то ей

косметика просто не нравилась, вся ее подростковая душа противилась «этому насилию», а позже отказ от «боевой раскраски» стал идейно обоснованным. Таня уверяла, что это не из-за того, что она предпочитает более активную роль в паре. Ей просто не нравилось походить на слабых и безвольных дурочек, целиком зависящих от мужчин. Хотя иной раз Танины сентенции меня порядком раздражали, я почти никогда не спорила. В спорах не было смысла – Таню никто никогда не переделает. – Звонил кто-нибудь?

– По домашнему нет, а сотовый я не смотрела, – сказала я, наливая воду в небольшую белую кастрюлю. Газ на плите уже горел.

Таня положила полотенце на край стола, свернув вчетверо, и прикоснулась к моей спине между лопаток лбом и носом. Я замерла. От плеч вниз побежали мурашки. Контакт был мимолетным, Таня сразу отстранилась. На моей красной футболке осталось маленькое влажное пятно, я чувствовала его кожей.

– Что это за подружка? – спросила я, как будто мне было до этого дело.

Или было? Я сглотнула слюну, боясь повернуться, чтобы Таня не увидела на моем лице все то, о чем я думала последние полтора часа.

– Мы учились в параллельных классах. Почему-то я всегда с параллельными дружу лучше, чем со своими, – сказала Таня. – Вот и с тобой так.

Я подумала, не начать ли мне мой рассказ прямой сейчас, но решила подождать.

– Она со мной никогда не была, потому что тоже натуралка. А сейчас замужем, у нее ребенок.

– Понятно, – сказала я.

Чайник и вода для рожек уже стояли на плите, а я начала убирать продукты в холодильник. Таня наблюдала за мной. В кухню вошла Нюся, осторожно ступая и пригнувшись. Таня взяла ее себе на колени, не боясь насадить шерсти на черные джинсы.

– Я проснулась, посмотрела, а тебя нет.

– Была записка.

– Да.

– Но почему-то я подумала, что ты попала под машину...

– Под машину?

– Тебя долго не было, – пояснила я.

– А, так вот почему ты такая, словно тебя пыльным мешком стукнули! – Таня рассмеялась, но старалась меня не обидеть. – Бедная моя, миленькая, оставили тебя на произвол судьбы! – Она подошла и обняла меня, крепко, как могла. Спокойней ли мне стало? Пожалуй, не намного. Я позволила себе уткнуться лицом ей в плечо, не обняв в ответ. – Ну извини. Больше так не буду. Ты правда испугалась?

Я не сразу ответила, потому что еще на подходе задушила в зародыше желание разреветься. Это, в конце концов, неприлично. Таня держала меня за плечи. Я посмотрела ей в глаза и сказала, что правда – испугалась. И даже тогда было не время рассказывать ей про визит невидимки.

Таня еще раз меня обняла. От нее шел запах дезодоранта, пива и табака.

2

Мы устроили поздний завтрак из рожек с сосисками, залив их майонезом и кетчупом, выпили по большой кружке чая с молоком и двумя бутербродами с ветчиной. Когда дошла очередь до печенья, я все-таки собралась с духом и подробно рассказала о моем утре.

Таня сначала слушала меня с улыбкой, но постепенно ее брови начали сдвигаться к переносице, пока не состыковались, а улыбка не исчезла. Она ни разу не вставила слова, дожидаясь, пока я закончу.

Я считала, что рассказала все обстоятельно и приложила максимум усилий, чтобы не казаться полоумной. Впрочем, Таня не считала меня такой. Не верить можно и вменяемому человеку, потому как всякий может ошибиться.

Я ждала, а Таня достала сигарету и закурила. Даже не попыталась встать и открыть форточку в зале, где мы устроились.

– Ничего себе, – выговорила она.

Над ее головой поплыло табачное облако.

– Понимаешь, тут и так в голове сумасшедший дом, а еще ты долго не возвращаешься, – сказала я, – тебе повезло, что я не устроила истерику. Но очень хотела.

Таня кивнула, держа сигарету двумя пальцами у своего виска. Спина ее сгорбилась. Вообще-то, я ожидала, что Таня начнет возмущаться, размахивать руками, бегать по комнате. И я сидела, ошеломленная, когда ничего этого не увидела.

– А во сколько это было-то?

Она в упор посмотрела на меня, и я поняла, что Таня испугана по-настоящему. Это словно ведро воды на голову – настолько откровенный страх. Я могла бы ожидать такой реакции от кого угодно, но только не от нее, девушки-бойца, уверенной, умеющей за себя постоять. У меня язык присох к небу.

– Во сколько?

– Ну, примерно от без двадцати двенадцать до без десяти минут, – сказала я. – Время имеет значение?

– Не знаю. Наверное, нет. Я просто так спросила.

Я ждала, что Таня объяснит мне свою реакцию, но она не спешила, и мне пришлось надавить на нее.

– Ты знала?

Таня не сводила глаз с кончика сигареты, словно это было какое-то невиданное ранее чудо. Я ждала со всем терпением, на какое была способна. Казалось, через пару секунд я просто-напросто лопну.

– Он уже здесь был, – сказала Таня.

– Кто?

– Этот человек. Мужчина, я думаю. Дважды.

– Дважды, – повторила я, сжимая переплетенные пальцы. По моим рукам, спрятанным под свитер, бежали мурашки.

– Я думаю, откуда-то он достал мои ключи. Не знаю, каким образом они ему достались, потому что оба комплекта у меня в неприкосновенности и ни один из них я не теряла, никогда.

– Я все-таки надеялась, что это кто-то из твоих. Новенькая, например.

– Нет. Ты же знаешь, я долго одна, – сказала Таня. – Да и неважно это...

– Говори, говори, иначе я с ума сойду! У меня просто крыша едет! – Какое чудовищное искушение устроить истерику, черт возьми! Я глубоко вдохнула.

– Две недели тому назад он пришел в первый раз. Когда меня не было дома. Преспokoйно открыл дверь, вошел и какое-то время пробыл внутри. Ничего не взял, не испортил и не оставил следов.

– Откуда же ты узнала?

– Почувствовала, как только вошла в квартиру. Он не оставил запаха, иначе бы я уловила, нет, тут в чем-то другое дело. Бывает же так, что после человека в помещении остается аура. Она какое-то время держится, а потом растворяется.

– В общем, да, – согласилась я. Тут мои глаза полезли на лоб. – Так он ушел перед твоим приходом? Точь-в-точь?!

– Ага.

Таня поднесла ко рту чашку с чаем, где еще была одна треть густого крепкого напитка. Я поглядела на ее руку, которая заметно подрагивала.

– Еще кое-какие мелочи мне бросились в глаза. На трюмо в спальне предметы были слегка сдвинуты со своих мест – я уверена. Потом книга, которую я читала, тоже оказалась в другом месте.

– И ничего не пропало? – спросила я, чувствуя, как в моем животе медленно поворачивается какая-то штука, похожая на кусок льда. Стало трудно дышать. Вместо того, чтобы сходить открыть форточку и немного проветрить, я схватила из Таниной пачки сигарету и закурила.

– Ничего. Я дважды проверила все.

– Ладно... – Выдув дым, я напустила на себя деловой вид. Надо было сыграть, будто мне вовсе не страшно и нет ощущения, что кто-то смотрит в спину. – Значит, ты мне веришь?

– Верю, конечно.

– Я не психическая, мне не почудилось!

– Разумеется. – И все-таки у нее был странный взгляд.

– А когда он пришел второй раз?

– Неделию назад. То же самое – походил, ничего не взял, ушел. Но с первого визита я стала приклеивать к косяку волоски, о существовании которых знала, конечно, лишь я.

– И что?

– Волоски были на месте.

– Как это?

– Он проходил в квартиру, не трогая их. Или возвращал на место, ума не приложу.

– Откуда он знал?

– Без понятия.

– Что же получается. Этот... может заявиться сюда в любой момент и сделать с тобой все, что угодно!

– Не в любой. Только когда меня нет. Я же запираюсь на засов, который ему снаружи не открыть, – сказала Таня.

Наконец она встала и распахнула форточку.

– Все равно... Надо что-то делать. В милицию написать, понимаешь!

– Не имеет смысла. Мне нечего им сказать – доказательств нет, следов нет.

– А если они найдут отпечатки пальцев?

– Ну у него же хватило ума вести себя словно невидимке, так почему он должен быть тупым идиотом и хвататься за все без перчаток? Нет, пока заявление подавать рано.

– То есть, надо ждать до тех пор, пока он что-нибудь с тобой не сделает?... – проворчала я.

Таня пожала плечами, пряча глаза. Она боялась.

– Извини, что не предупредила. Вчера было не до того, а утром ты спала. Надо было, по крайней мере, тебя разбудить, чтобы ты закрылась изнутри на засов.

– Слушай, а если замки сменить?

– Сменю. Только сейчас денег нет.

– А зачем он приходит? Как думаешь?

– Наверное, он просто больной, раз ему нравится приходить и слоняться из угла в угол. Кради он у меня вещи, я бы не боялась обычного вора и давно бы написала заявление. Но тут совершенно другая ситуация. Этот ублюдок наверняка заглядывал в шкафы, трогал одежду, нюхал, мял пальцами... А как ему удастся не наследить, приходя с улицы... ума не приложу.

– Тань, перестань, не то меня затошнит, – сказала я.

Она мотнула головой, не соглашаясь. Ей надо было выговориться.

– Представь, этот мужик... трогал нижнее белье, которое я ношу! Еще хуже, если он знает, кто я такая, а значит, может специально издеваться надо мной. Он лежал на моей кровати, спускал в ванну, куда я сажусь!..

Таня редко теряла самообладание настолько сильно, ее голос стал визгливым, высоким, словно у ребенка, который капризничает.

– Тогда этот тот, кого ты могла знать, – предположила я.

– Ерунда. Не обязательно. Если каждый мужик, которого я отшила, начнет мне мстить, придется переселиться на Марс.

– А соседи никого постороннего не видели? Ты спрашивала?

– Нет. Я не знакома с теми, кто живет выше и ниже. А на моей площадке вообще ни с кем не разговариваю, тут, в основном, старухи, они знают про меня... старухи всегда знают. – Таня усмехнулась. У нее хорошо получалось приходить в норму, быстро остывать после вспышек гнева или успокаиваться после истерик. Либо, подумала я, она обладает искусством прятать свои чувства в такой дальний глухой чулан в своей голове, что оттуда им нелегко вернуться обратно.

– Но можно же придумать нечто посерьезней волосков а-ля Джеймс Бонд?

– Например?

– Ну, я не беру в расчет видеокамеры и микрофоны. Это могли бы сделать люди из детективного агентства, но нужны деньги. Боюсь, даже если мы скинемся, нам не хватит.

– Точно.

Я оглядела комнату, надеясь, что меня посетит вдохновение.

– Можно придумать какую-нибудь ловушку. Поместить над дверью воздушный шарик с водой. Или краской.

– Ага, а потом как я буду все это отмывать?

– Ладно. Но я думаю, надо заставить его оставить следы, пусть он во что-нибудь вляпается. Мы получим отпечатки его ботинок. – Я не сразу заметила, что говорю «мы». – Тогда и будет что предъявить милиции.

– Но как это сделать?

– Надо подумать – не знаю пока.

– Я хотела написать ему записку.

– Записку? Кстати, почему бы и нет?

– Но надо что-то спросить?

– Честность – тоже неплохой способ, – сказала я. – Спросить напрямую: зачем приходишь, дескать, и что тебе нужно.

– Все это можно, – ответила Таня. – Но почему он вымыл кружку?

– А... Не знаю.

– И почему рискнул войти, если знал, что квартира не пустая.

– Вошел потому, что не знал. Он видел, как ты вышла, и отправился сюда, – сказала я.

– Хорошо, но кружка тут причем? Это же определенный риск – оставлять такие следы. Получается, он был без перчаток, когда споласкивал, а потом вытер руки полотенцем.

Я вздохнула и потеряла виски.

– Гадать можно до бесконечности. Нужен план. В таких случаях нужен план. Но из меня сегодня плохой мыслитель.

– Мы ничего сейчас не решим.

– Это все какой-то кошмар. Бомж. Психопат-призрак... – Я посмотрела на Таню вытаращив глаза. Моя догадка была нелепой, но я не успела удержать ее при себе: – Слушай, а если это не человек, а привидение?

– Да ты что?

– Полтергейст, например. Он и не оставляет следов, когда проникает внутрь, и сигнальные волоски остаются нетронутыми. Призраки – нематериальны.

– Бред.

– Ничего не бред. Надо и такой вариант рассмотреть...

– Давай как-нибудь в другой раз, – сказала Таня.

Она выглядела утомленной, будто в это утро досталось больше всего ей, а не мне. С другой стороны, учитывая, что я уйду, а она останется в квартире, куда шастает неизвестно кто, ничего удивительного. Таня боролась со своим страхом.

У меня был свой собственный. Все сразу обрушилось на мою голову. Вспомнился вчерашний вечер – ну почему выпитое не заставило меня забыть эту пакость? Многие хорошие моменты после возлияний пропадают из памяти, а всякий ненужный мусор остается. Это несправедливо.

– Надо подумать, – сказала я. Меня стала бесить тишина в квартире. Я покосилась на пульт от телевизора, лежащий рядом с Нюсей на диване, – может, хотя бы разбавить эту тяжелую атмосферу истерично-веселой рекламой?.. – А ведь она его видела...

– Кто?

– Кошка. И, следуя фактам, не первый раз.

Мне захотелось побыстрее убраться домой. Слишком много сегодня для меня было Тани и разной необъяснимой чепухи.

3

В тот раз мы ничего не решили. Любые дорожки, по которым мы двигались, заканчивались тупиком. Таня собрала все факты, которые могла припомнить, и я заставила ее выписать их на бумажку, чтобы не забыть. Она села и стала писать, кусая губы и поглядывая на меня виновато, словно я учительница, а Таня решает примеры и пользуется шпаргалкой.

Потом мы еще немного пообсуждали возможные меры, которые позволили бы нам как-то зацепить невидимку, но никто не выдал ни одной блестящей идеи. Я почувствовала себя тупицей, у меня было единственное оправдание: еще не прошедшее похмелье.

Таня сказала, что проводит меня до остановки автобуса. Я поблагодарила ее, не решаясь попросить самой.

– Как ты пойдешь назад?

– Обыкновенно. Сейчас день, – ответила она. – Я не собираюсь сидеть в углу и дрожать неизвестно от чего. Не дождется. Ему ведь это и надо. – Таня брезгливо сморщилась. – Буду жить как жила.

– Осторожней только.

– Ага.

Мы вышли из квартиры, потом из подъезда. До автобусной остановки идти было минут пять, она стояла прямо за углом девятиэтажного дома, имеющего форму подковы. Шагая через двор, я смотрела по сторонам. Что это мне дало? Кроме созерцания воскресных старушечьих прогулок и бегающих по детской площадке двух эрдельтерьеров, ничего. В сотнях квартир это дома может скрываться не одна дюжина психопатов. Этот мог придти откуда угодно.

В этом и заключался весь кошмар.

Невидимка мог придти откуда угодно и оказаться кем угодно...

Глава пятая

1

В понедельник я появилась на работе с багажом из сквернейшего настроения и головной боли.

Войдя в офис, я чуть не бегом пересекла прямоугольное помещение и грохнулась на свое место в углу. Вращающийся стул закрипел подо мной словно в невыносимой муке, и мне это доставило удовольствие. Стало тихо. Коллеги смотрели на меня, ожидая, видимо, что я вытащу из сумочки пистолет. Зина, толстенная кудрявая брюнетка с непроизносимой фамилией, перестала краситься, Вера, высокая холеричная дама с веснушками, прекратила шелестеть чем-то в своей сумке. Другие еще не пришли – до половины девятого оставалось почти пятнадцать минут. И не стоит забывать, какой сегодня день... Понедельник традиционно самый каторжный и тяжелый на неделе. Каждый борется с ним как может. Он – альфа и омега депрессии, особенно для тех, кто терпеть не может свою работу. Я из этой породы бизнес-работников. Никогда не думала, что буду трудиться как пчелка на ниве рекламы в профессиональном журнале. Правда, и учителем истории я не мечтала быть, но иногда думаю: работа в школе ничуть не хуже этого... Разумеется, я не права – это все депрессия. Я интроверт, а потому для меня наилучший вариант – сидеть в покрытом паутиной углу, обустроить свое уютное теплое гнездышко и спастись в нем от кошмаров действительности. Школа так или иначе отпадала, хотя бы из-за разности в зарплате.

Сегодня мне повезло с автобусом, я сумела втиснуться в такой промежуток времени, когда основной поток пассажиров еще не заполняет салон до отказа, и ехать можно в относительном спокойствии. Вторую половину пути до редакции моего горячо любимого рекламного журнала я ехала сидя. Но, как выяснилось, этого мало для счастья. Везение улетучилось почти сразу. За две остановки до выхода рядом встал какой-то здоровенный мужик в засаленной куртке цвета дряблого огурца. От него шел запах чеснока, пива и зубной пасты. Каким-то образом это амбре достигало моего носа, хотя дышал громила не мне в лицо, а голова его почти упиралась в потолок. Своей курткой он припечатался к моему плечу, возможно, сделал это специально. Его промежность как раз находилась у меня на уровне лица. Всю долгую остановку я терпела, медленно закипая, и намеревалась разорваться, если этот мужлан не выйдет или не сгинет с глаз моих. Он вышел, зато на его место пришла старуха, которой тоже не хватило места. Она задержалась у заднего входа и стала действовать мне на нервы оставшийся отрезок пути. Старуха, наоборот, была карманного размера, миниатюрная, как фарфоровый гномик, стоящий у меня на книжной полке. Запах от нее распространился не менее омерзительный – антибактериальное дешевое мыло, старое тело, колбаса, нестиранная одежда. Я думала, что сойду с ума, пока все это кончится. Оставалось двести метров до остановки, когда кондукторша вынула сотовый, чтобы ответить на звонок, и начала визгливо хихикать.

Я применила банальную методику успокоения – глубокие вдохи. Я дышала как можно более незаметно, закрыв глаза.

Видимо, в результате стресса мое обоняние усилилось. Я слышала все запахи в автобусе, могла определить каждый из них. Я даже представляла себе их источники, воображение работало на всю катушку. В результате я выскочила на остановку, не в силах все это выносить, и чуть не поскользнулась на покатам панцире из грязного льда. Никто не дернулся в мою сторону, чтобы помочь. Мне удалось досеменить до края навеса над скамьями, и я схватилась рукой за столбик. Мой взгляд блуждал по сторонам, а нервы гудели, точно про-

вода под высоким напряжением. Я вынула сигарету, зажгла ее. Нужно направить куда-то эту энергию, иначе у меня будет нервный срыв. Но куда? Я не скандалистка, то есть, не идейная и не испытываю удовольствие от публичных истерик. Я не умею освобождаться, не умею пить энергию из других, что мне и вредит. Мать раньше называла меня тихоней и нюней. Нет во мне бультерьерских замашек. Я молчу до последнего. Может, пора меняться? Таня, наверное, смогла бы дать мне несколько уроков, научить меня контратакам и защите личного пространства.

Я докурила, не понимая, лучше мне или нет. В животе невидимый ком тянул книзу. Я сжала зубы, готовясь встретить новые испытания с гордо поднятой головой. Чтобы хоть как-то развеять тучи, сгустившиеся над моей макушкой, я стал думать о Тане. Это помогало. Словно она сама была здесь и нашептывала на ухо ободряющие слова. У меня была сумка через плечо, ее-то и задел какой-то тип, по виду студент, бегущий к остановке, от которой я успела отойти шагов на пять. Меня развернуло от толчка, я чуть не шлепнулась на лед. Студент даже не обернулся.

С этой минуты мое настроение испортилось окончательно и бесповоротно. Я была близко от того, чтобы заорать ему в след.

2

Компьютер я включила и ждала, когда загрузится система. Недавно я нарочно поставила свой стол так, чтобы от зала меня хотя бы наполовину закрывала стойка с комнатными растениями, водруженная на торчащий из стены выступ длиной в семьдесят сантиметров. Может быть, когда-то он предназначался для небольшого стеллажа, а вот сейчас играть роль подставки под конструкции для кашпо.

Я сидела прямо в куртке, сняв только шапку, и долго не замечала этого. Стало жарко. Я поднесла руку в шею, наткнувшись на воротник. Представляю, какое у меня лицо: наверное, Зина или Вера думают, что я пьяная или наглоталась какой-нибудь дряни.

Войдя, я с ними даже не поздоровалась, чего со мной никогда не бывало. Расстегнув куртку, встав с несчастного скрипучего стула, я стащила ее с себя, обернулась к девочкам и поприветствовала их. К щекам прилила кровь. Я чувствовала, как становлюсь красной. Зина и Вера по очереди сказали: «Привет!» Снова началось наведение марафета и шелест, будто я дала им разрешение чувствовать себя как дома. Потом раздался хруст – оказывается, Вера грызла чипсы. Очень часто ее можно увидеть жующей, так она успокаивает нервы. Что ж, у каждого свой способ. Кто-то ест, кто-то пьет. У меня же не было никакого способа.

Оставшись в том же самом свитере, какой был на мне в субботу и воскресенье, я взяла пачку сигарет и вышла во дворик перед входом. На свежем воздухе думается лучше, но я не знала, на чем сосредоточить внимание. Все сводилось к необходимости расслабиться, выплеснуть накопившееся. Чересчур много во мне скопилось психического шлака, он-то и отравляет мне жизнь. Я смотрела на квадратную площадку внутреннего двора старого здания, где располагалась редакция нашего журнала. В углах лежали комья грязного снега, того, что нападал недавно, обрывки бумаги, окурки. Высокая темно-синяя урна возле крыльца была наполнена больше чем наполовину.

В голове нет ни одной мысли. Ну и ладно. Мне нравилось ни о чем не думать, отрешенно глядя в пустоту, не видеть предметов перед собой и представлять, что я воздушный шарик, носимый ветром в любую сторону. Боль в висках и лбу уже не так донимала меня.

То, что сигналил сотовый, я не сразу поняла. Вытащила его из кармана, и увидела, что звонит Леша. Я помедлила, спросив себя, нужен ли мне сейчас этот разговор и этот человек. Началась недолгая борьба, где верх одержало желание поговорить с давним приятелем. С *бывшим*.

– Привет, как твои дела?

– Я не слишком рано звоню?

Манера отвечать вопросом на вопрос, но я не разозлилась.

– Нормально, я еще не занята.

– Я думал, ты перезвонишь.

– Вчера не могла, извини.

Леша говорит так, будто я ему обещала всякий раз отвечать на любой его звонок.

– Так как насчет того, чтобы... ну, сама понимаешь.

– Чего?

Бросив окурочек в урну, я вынула зубами из пачки другую сигарету.

Кажется, я стала злоупотреблять.

Но так было приятно затянуться еще раз... Явный признак стресса. Опять все закрутилось у меня перед глазами – пиццерия, метро, бомж, его бредовое предсказание, невидимка в квартире Тани и чувство, что теперь ты не одна, а чья-то тень беспрестанно торчит за спиной.

– Ну, встретимся, пообщаемся. Новости пообсуждаем. Мы же давно не разговаривали.

– Это точно.

– Так что?

– Ты такой же назойливый, Леша.

– Ага, на том стоим. – Он рассмеялся. – Ну пожалуйста!

– Хорошо. Когда?

– Сегодня вечером.

– Ладно... – Я даже закрыла глаза, точно сама себя испугалась. Леша позвонил в удачный для себя момент, когда я не нашла объективных причин ему отказать. – Давай, знаешь, сразу после работы... Или ты будешь занят еще?

– К пяти?

– Да.

– Без проблем. Я заеду за тобой, буду у главного входа прогуливаться.

– Ладно. Договорились. Пока.

Я не стала слушать какую-нибудь очередную его шуточку. Мимо меня прошла блондиночка Лиза, единственная девчонка из редакции, которая мне нравилась. Белобрысая до неприличия, голубоглазая, на таких мужчины смотрят глотая слюну и воображая себе, что они сделают с частями ее тела, если заполучат в свои руки. Наверное, маньяки таких девчонок мысленно разделявают точно куриную тушку.

Я нахмурилась, и Лиза это заметила. Может, решила, что из-за нее. Она спросила, как я поживаю. Нормально, ни шатко ни валко, был мой ответ. Мы еще перебросились парой слов, пока моя сигарета не догорела до конца.

Мысленно я вернулась к Тане и ее проблеме с невидимкой. Странная, однако, у него периодичность – приходить каждую субботу. Два визита уже состоялись. По логике, следующий будет и в конце этой недели. Заранее зная график, можно подстроить ловушку... ну хотя бы как-то заставить психопата ошибиться и наследить. Но мы с Таней ничего не сумели вчера придумать. Неужели мы так и пустим это дело на самотек? Опять «мы». Мне стало смешно.

Я села на свое место, за компьютер, с дурацкой улыбкой на физиономии. Появилась выпускающий редактор. Она тут же принялась за дело.

Заставила нас всех создавать видимость работы.

3

После обеда позвонил Артур. Словно все сговорились! Он тоже настаивал на встрече, именно настаивал, а не шутливо предлагал встретиться, как было с Алексеем.

– Я не могу сегодня, – ответила я.

– Почему? – спросил Артур.

– У меня куча дел. Я получила твоё сообщение вчера. Мы встретимся потом, ладно? Серьезно, сегодня не получается.

Работы пока не было, и я сидела автоматически водя мышкой, открывая и закрывая папки наугад.

– Жаль, – сказал Артур.

– Позже мы созвонимся, тогда и поболтаем, назначим встречу. – Я изобразила добродушно-шутливый тон, в котором проскальзывало сожаление по поводу того, что сегодняшний вечер занят. Пусть не думает, что я мегера и сейчас попросту отшиваю его.

– Хорошо.

Агрессивность, такая странная для этого спокойного человека, исчезла. Он рассмеялся. У меня отлегло от сердца. Мне не хотелось, чтобы Артур обижался.

– Тогда до связи?

– До связи.

Я выключила телефон, подумав перед этим, не позвонить ли Тане, спросить, как там у нее дела. На меня смотрела Зина, высунувшая голову из-за монитора. Я ответила ей сумрачным взглядом из зарослей традесканции.

Зина вернулась к своим делам, а я убрала телефон. Всем-то есть до меня дело...

4

Леша действительно заехал за мной. На машине, темно-зеленой «пятерке». Когда я вышла на улицу, почти не чувствуя ног от усталости, – точно бревна таскала, – он взял меня под руку.

– Привет.

– Ты вся белая какая-то, – заметил Леша.

– Спасибо, что заметил, – проворчала я.

– Люд, не обижайся. Я люблю говорить правду...

– Не надо на меня производить впечатление остроумием. Я-то тебя знаю хорошо.

– Выходит, я зря стараюсь? – спросил он с улыбкой. Леша никогда не страдал от недостатка самоуверенности, но, кажется, теперь ее градус повысился многократно.

Его пальцы нашли мои, погладили, словно о чем-то спрашивая. Я была без печаток и почувствовала грубую кожу на внутренней стороне его руки. От воспоминания о нашем прошлом меня пробрала дрожь. Сладкая. Я ответила ему пожатием. Жар мгновенно разлился по моему телу, отчего стало немного страшно. Я словно поднималась в небо благодаря какой-то силе. Кружилась голова, в ушах раздавался гул.

– Просто не устраивай концертов, пожалуйста, – сказала я, дыша через раздутые ноздри. Холодный воздух не отрезвлял, а только усиливал мое возбуждение.

Что же это такое? Не хватало еще, чтобы... Я взглянула на Лешу, пытаюсь понять, что я раньше в нем находила хорошего. Нет, кажется, ясного ответа нет...

Он показал мне машину, стоящую на краю стоянки возле отделения банка. Пискнула сигнализация.

– Твоя, что ли?

Я заметила, что «пятерка» не совсем новая.

– Почти моя. Приятель продал. Потихоньку расплачиваюсь.

– Откуда у тебя такие деньги? Ты же вечно как бедный студент.

– Жизнь меняется, – сказал Леша, не поясняя.

– Понятно.

Правда, я ничего не понимала, но вникать не хотелось. Час назад у меня снова разболелась голова, пришлось выпить таблетку анальгина. Сейчас я походила на сомнамбулу – нелепое, необъяснимое состояние. С одной стороны, хотелось завалиться спать, но, с другой, танцевать и кричать во все горло. Вал возбуждения от прикосновения Лешиной руки стал откатываться. Я не хотела, чтобы все исчезло полностью. Надо что-то предпринять.

Леша открыл передо мной дверцу, и я села в машину. Внутри пахло духами и спиртным; может быть, кто пролил в салоне вино.

Я вспомнила: когда-то Леша говорил мне, что терпеть не может машины и все с ними связанное. Но то были совсем другие времена, мы учились, и еще какое-то время встречались после окончания университета. В тех днях я находила много очарования, романтических грез, которые постепенно выветрились из меня под ударами реальной жизни. Леша преподавал мне множество уроков, показал, что жизнь с мужчиной может быть и хорошей и плохой. Он был первым, с кем я делила крышу над головой и каждодневные заботы.

– Спишь? – спросил он, упав на водительское кресло.

– Да нет, задумалась.

– Устала?

– Вроде.

– Ну, поехали, – сказал Леша. Машина выскочила со стоянки, очутившись на подъездной дорожке.

– Когда ты научился водить? – Меня это не интересовало, но я отдавала дань традиции поддерживать разговор.

Леша пустился в туманные объяснения по поводу новых возможностей и неожиданных контактов, неожиданных людей, которые часто встречаются на пути и помогают. Трудно было уловить логику в этом рассказе, потому что все строилось на впечатлениях и восторгах, а не конкретных фактах. Может быть, Леша имел в виду, что наконец взялся за ум. Закончил он свой монолог той же новой присказкой:

– Жизнь меняется.

Я пропустила ее мимо ушей, все еще пытаюсь разобраться, почему так возбудилась. Воспоминания заполнили голову. Потный секс, вино, шепоты в темноте, прикосновения, запахи, сопровождающие совокупление. Как же все это было давно... Как хотелось этого снова. Тысячу лет не была с мужчиной. Нет, это невероятно! Я посмотрела на Лешу, ведущего «пятерку», и подумала, что если он предложит, я соглашусь. И плевать на все. Я сумею разрядиться как хотела, мне это нужно, иначе взорвусь.

5

Мы поехали в кафешку на четвертом этаже торгового центра «Уральский». Нам удалось занять пустующий столик – успели перед очередной волной нашествия посетителей. Леша заказал выпивку, я не отказалась от коньяка и хорошего кофе, а также от закуски в виде жирной пиццы с грибами и пирожков. Мы сидели и чесали языком, осторожно вспоминая наши Стрые денечки. Леша, конечно, был более настырным в этом деле. Сыпал несмешными шуточками, к которым я привыкла когда-то и нашла сейчас, что они меня не очень-то и раздражают. Пила, в основном, я – Леша сослался на соблюдение «режима». Водит он

недавно и не уверен, что справится с машиной, если будет подшофе. Поэтому почти весь коньяк выпила я.

Под конец наших посиделок я почувствовала, что опьянела. Ровно настолько, чтобы окончательно разделаться со всеми комплексами и выбросить из головы всю галиматью предыдущих дней. Мне было весело и легко, казалось, все по плечу. Четко помню, как перед выходом сбегала в туалет, а, вернувшись, поддалась порыву и поцеловала Лешу в губы.

Он был счастлив. Помню его физиономию и его руку, которая крепко держала мою, точно он боялся, что я упаду. Я ехала по эскалатору, думая над своим счастьем. Обычная пьяная фантазия, скажете вы. Может быть, вы правы...

Но то, что случилось потом, научило меня ценить подобные моменты.

Глава шестая

1

Леша снимал приличную обставленную однокомнатную квартирку где-то возле центра Екатеринбурга. Я удивилась, но вспомнила его туманные объяснения. Видимо, ему действительно повезло и он имеет возможность платить за это жилье бешеные деньги. Мне такое, конечно, не по карману, подумала я, раздеваясь, но через минуту забыла обо всем.

Первым делом Леша показал мне бутылку белого вина, вытащенную из холодильника. Его манеры становились все более галантными, словно он боялся, что в любой момент я могу убежать, если он сделает что-то не то.

– На ночь останешься? – спросил Леша через десять минут.

Он появился на пороге комнаты, держа в руке плоскую тарелку с бутербродами. Я ответила, что лучше бы позже он отвез меня домой. Мне же надо на работу завтра!.. Леша сказал, что все понимает. Вопрос «С каким пор?» вертелся у меня на языке, но я не стала портить романтический момент.

Дальше следуют обрывочные воспоминания. Мы хорошо провели время. Как сто лет назад, в студенческие годы. Пили, говорили и слова за слово начали бешено целоваться. Леша избавил меня от одежды, потому что так мне всегда нравилось, усадил себе на колени, еще оставаясь в трусах, и занялся моей грудью. Мы ничего не забыли. Леша даже спросил, почему у меня такое лицо. Я ответила, что все просто отлично.

У него не было презерватива, а я давно не пила таблетки, поэтому попросила его выдернуться. Леша пообещал и сдержал обещание. Мы занимались любовью не меньше полутора часов, пока у нас не стала ехать крыша и мы не промочили всю простынь. Мне не хватало воздуха, судороги от оргазмов чуть не завязали в узлы мои руки и ноги, такое было ощущение. Леша вышел из меня и кончил на живот. На коже его сперма была точно капли расплавленного металла. Заглатывая воздух крупными порциями, он лег рядом со мной, лицом вверх и закрыл глаза. Мне было так хорошо, что я сматерилась во весь голос и укусила Лешу за правое плечо. Он захохотал. Мы закурили, ничего не говоря друг другу.

Вот уж разрядка, так разрядка.

Я представила Таню одну в постели и испытала мстительное удовольствие. Ничего подобного этому она не знала никогда. Я была далеко от нее, невозможно далеко – и дело не в географических координатах.

2

– Как ты поедешь? Ты же пьяный? – спросила я.

– Я обещал, ничего не поделать, – ответил Леша.

– Я могла бы и на трамвае, сейчас только половина десятого.

– Вот именно! Уже половина десятого. Довезу в лучшем виде.

Он сжал мою руку, наклонился и поцеловал в щеку, потом завел машину. В голове у меня гудело. Я знала, что ночью начнется похмелье. Заранее становилось тошно, однако воспоминания о хорошем сексе окупали все.

Теперь я ехала домой, чистая после душа, расслабленная, ненакрашенная, свободная, счастливая. Казалось, даже кожа излучает какое-то сияние. Я была сыта и довольна. Леша

это чувствовал и сидел гордый, выпрямив спину и задрав нос. Он никогда не перестанет рисоваться, потому что слеплен из другого теста.

Леша ехал медленно, тщательно соблюдая скоростной режим и правила. Мне стало смешно, но я не подала вида, наблюдая его сосредоточенное лицо. Возможно ли между нами что-нибудь снова? Я не знала. Леша ничего насчет этого не говорил, а мне неловко было спрашивать. Меня бы вполне устроили подобные встречи время от времени. Но это меня... Вопрос в Леше. Мужчины редко удовлетворяются тем, что есть.

Я настояла на том, чтобы он не провожал меня до подъезда, а высадил на въезде во двор. Леша поворчал, но согласился. Он вышел и открыл передо мной дверцу. Я засмеялась. Помню этот момент. Леша подхватил меня за талию. В одной руку у меня была сигарета, которую я так тогда и не зажгла.

Мы поцеловались, и я сказала, что пойду. Не стоило передозировать удовольствие на первый раз.

– Все, счастливо. Созвонимся.

– Ладно... – ответил он, стоя в темноте возле машины.

Я пошла в сторону подъезда, мимо оголившихся деревьев, почти скрывавших первый этаж. Вдалеке лаяла собака, визжала сигнализация. Я этого почти не слышала, мои уши были словно набиты ватой. Сигнал, что похмелье приближается. Нужно срочно принять пару таблеток анальгина (или даже чего-нибудь посерьезней), умыться и спать.

Перед тем, как свернуть к бетонному крыльцу, я обернулась. Леши не было возле машины, наверное, он уже сидел внутри. Зажглись задние стоп-сигналы. Поблизости в темноте это был единственный свет – фонари как всегда не горели.

Я обошла лужу. Не потому, что видела ее, а знала, что она на этом месте. Замерзшая. Можно свалиться и костей не пересчитать. Я представила это себе, подходя к ступенькам крыльца, и все еще улыбалась, когда меня схватили.

Сначала я ничего не поняла. Рука из темноты сомкнулась сзади у меня на шее, стиснула. Я не успела даже втянуть голову в плечи – слишком была расслаблена. Появилась вторая рука. Она-то и не дала мне закричать, хотя я уже собралась. В этой руке было нечто вонючее и резкое. Мокрая штуковина, похожая на кусок свернутой марли, прижался к моему носу и рту.

Я вдохнула, одновременно осознавая, что поступаю неверно. Неправильно. Он хочет именно моего вдоха.

Я уснула, вырубилась, исчезла из реального мира.

Глава седьмая

Головная боль жуткая. Неужели я не приняла таблетку? Куда я дела этот проклятый анальгин, который мне так хорошо помогал?

Во рту стоит кислый привкус выпитого вина и коньяка. Я выпивала с Лешей. Верное воспоминание: мы встречались.

Я задумалась, пробуя вспомнить нечто большее, чем просто факт нашей встречи. Там, где должны были находиться яркие сочные воспоминания, лежали какие-то дряблые невзрачные кусочки впечатлений и событий. Все у меня внутри похолодело. Прямо так – типично книжный штамп. Оказывается, у меня есть тело, которому опять плохо оттого, что я напилась. И из-за этого ничего не помню. Надо прекращать все эти веселые вечера с выпивкой, иначе в скором будущем не избежать последствий. Не собираюсь превращаться в пьяницу! Да – и хорошо бы ограничить себя в курении. Прямо не продохнуть, легкие забиты воняющей табакот ватой.

Я не могла вспомнить, как ложилась спать, как проделывала привычные манипуляции с чисткой зубов и тщательным умыванием. Я собиралась принять лекарство и завалиться в кровать, чтобы завтра прийти на работу в более-менее приличном состоянии. Неужели это мне не удалось? Что же тогда происходит?

Я попробовала открыть глаза – и не сумела. Вернее, открыть-то открыла, но ничего не увидела перед собой. На лице что-то было, и оно мне мешало видеть. Я встретила темноту, уперлась в нее взглядом, ничего не понимая и хлопая ресницами. Привычного узнавания своей комнаты, своей кровати, запаха своего дома не появилось. Пахло по-другому. Чужим местом. *Опасным, враждебным местом*. Вонь похожа на запекшуюся кровь.

Что у меня на лице? Я задрожала и попробовала пошевелить бровями, но и на них налепили нечто непонятное.

Дернувшись, я сообразила, что не могу двигаться.

Я не лежу, не могу ничего увидеть, слышу незнакомые запахи и... обездвижена.

Я не в своей кровати. Я не лежу, а сижу.

Челюсти приоткрыты одна к другой, по-видимому, лентой скотча – их не разомкнуть. Следующее открытие заставило меня издать сдавленный вопль, он вырвался без предупреждения, инстинктивно, ударился о зубы и остался во рту.

Я сидела совершенно голая. Сквозняк трогал мои лодыжки и бедра.

Глава восьмая

1

Боль заняла и глазные орбиты. При каждом движении глазами что-то будто давило на них. Так случается с крепкого перепоя или во время гриппа, когда инфекция добирается до каждого уголка тела и повсюду заявляет о себе. Отметив этот факт, я отбросила его как пока несущественный. Я вспоминала, сопоставляла воспоминания, находясь в шоковом состоянии и пока не осознавая всего кошмара моего положения...

Но черный ужас накатывал. Он походил на огромный шар, тяжелый, холодный. Он приближался ко мне из темноты, что простиралась за гранью здравого смысла и нормальной житейской логики.

...Я была с Лешей, мы сидели в кафе, затем поехали к нему на квартиру, потому что я заранее намеревалась дать согласие, если он предложит с ним переспать. Весь тот день был для меня тяжелым. Я хотела разрядки, и получила ее. Мы занимались сексом долго и с наслаждением, вспоминая все наши дни. По дороге я еще размышляла, не попробовать ли нам вновь сблизиться и жить вместе.

Все это как будто не вызывает вопросов, картины в моем мозгу были достаточно живыми. Страх помог реанимировать эти воспоминания.

Что было потом?.. Я вновь разревелась под той повязкой, которую наклепили мне на глаза. Слезы выливались через какие-то крошечные отверстия в складках между скотчем и кожей. Нос заполнили сопلي. Я заставила себя прекратить рев, чтобы иметь возможность нормально дышать. Минуту или две я ни о чем старалась не думать и приводила в порядок дыхание. Соплей было не так много, постепенно они ушли.

Вновь я сделала неосознанное движение правой рукой, но она не двинулась. Ее примотали к подлокотнику стула, на котором я сидела. То же самое было с ногами – их прикрепили к ножкам, наверное, километрами липкой ленты. Я могла шевелить только пальцами. Голову, в свою очередь, зафиксировали так, чтобы я смотрела исключительно вперед, не имея возможности повернуть ее право или влево. Череп удерживали, помимо скотча, какие-то металлические штуки. Возможно, это струбцина.

Я представила себе, что моя голова находится в зажиме, а тело пришпилено к стулу, и стала выть сквозь зубы. Скотч держал челюсти, удерживал рот, обрезками на щеках и залеплял глазные впадины, захватывая волоски на бровях. Поэтому передо мной была темнота.

Тут я вспомнила слова бомжа о том, что я потеряю глаза, испытаю много боли и буду бояться. Меня всю заколотило. Потекло между ног, зажурчало на полу под стулом. Моча. Горячая. Я ее почувствовала внутренней стороной бедер. Мой ужас, кажется, не знал границ.

Я сделала открытие. Сиденье имело отверстие, поэтому моча сразу полилась на пол.

Кто-то все предусмотрел. Дал мне возможность справлять нужду не отлучаясь.

Я потеряла сознание.

2

Потом я спала, не знаю, как долго. Пробуждение было точно пощечина. Ныла шея, ныли плечи, ягодицы одеревенели. Так хотелось потянуться лежа в собственной постели, глядя на световые пятна на потолке воскресным утром! Быть под теплым одеялом, думать о том, какой впереди хороший день. Лучше всего летний день, пахнущий листвой и пре-

лой землей после небольшого дождя. Ничего этого нет и, возможно, не будет никогда. Меня похитили, поместили в какое-то холодное помещение, раздев догола. Вероятно, изнасиловали перед этим. Я чувствовала, что недавно занималась сексом, но как могла определить, что похититель не воспользовался моим беспомощным бессознательным состоянием? Если речь идет только о Леше, это нормально... и еще это значит, что с вечера понедельника прошло совсем немного времени.

Нет, все не нормально!

Что было после того, как я приехала на его машине к дому? Я напрягала память, так и эдак пробуя докопаться до истины. Я отправилась в сторону подъезда, обходя опасные скользкие участки асфальта. Один такой, замерзшую лужу, я обогнула неподалеку от бетонного крыльца. Помню. Я мысленно видела себя, что иду, расставив руки для равновесия. В одно – сумка, другая пустая. Мне хорошо, потому как я выпившая и довольная тем, что удалила долгий телесный голод. Тогда еще я вообразила себе, как поскальзываюсь на льду и брякаюсь вверх ногами... Дальше этого воспоминания был провал, но у самого края провала я заметила ощущение от прикосновения чьей-то руки к шее, сжатие, вспышку неосознанного страха и попытку закричать. Закричи я, Леша прибежал бы на помощь – он не успел в ту секунду отъехать от дома. Но я не закричала.

Мне ко рту приставили салфетку или платок, или марлю, пропитанную пахучими веществом. Эфир или хлороформ. Он меня и вырубил почти мгновенно, лишив воли и сознания. Быстрый и надежный способ справиться с человеком, с женщиной, – погрузить его в наркотоз. Ко рту подскочила тошнота, желудок скукожился и занял, потрясенный этой очевидной мыслью. Такая же акция была и у организма в целом. Меня усыпили, говорила я себе. *Меня усыпили!* Мои губы двигались в такт мыслям, и если похититель видел меня в этот миг, то, наверное, считал, что я тронулась. «Меня усыпили, потом отнесли куда-то. Нет, не куда-то, а в багажник машины, и отвезли неизвестно в какое место». Это я произнесла не только про себя, но и двигая, насколько это возможно, ртом. Я нашла, что могу шевелить губами только вверх и вниз. Похититель не заклеил мне рот, не использовал кляп. Так он намекал, что меня никто не услышит, хоть заорись. Кричи, пока не выплюнешь легкие.

Я снова стала реветь, всхлипывая и желая захлебнуться в слезах и соплях. Мне было холодно. Откуда-то сзади тянуло ветром, кожа покрывалась мурашками при каждом новом дуновении. Я дрожала и уже не чувствовала ни пальцев на ногах, ни груди. Пальцы рук двигались свободно, но эта свобода не сулила дивидендов. Я не могла никак повернуть их, чтобы даже просто нащупать край скотча, держащего предплечье на подлокотнике. Липкая лента крепко держала мой живот, обхватывая снаружи боковые стойки стула.

Ни единой возможности выбраться.

3

Снова сон и снова пробуждение. По моим плечам, шее и груди тек пот. Сквозняк быстро осушал его, и я чувствовала холод. Сглотнула. Во рту сухо. Сердце тяжело бьется.

Боль повсюду.

Мне понадобилось помочиться – и я сделала это, не видя иного выхода. Получилось совсем немного, но мочевого пузырь занял. Так можно простудиться. Скорее всего, я уже подхватила цистит или что-то в этом роде. Скоро дадут о себе знать почки, затем желудок или еще что-нибудь.

Наверное, мне придется и кишечник опорожнять подобным образом.

Я думала об этом со стыдом, обидой и ненавистью к человеку, который заставляет меня так унижаться.

Может быть, тут и весь смысл: унижить меня – раздев, лишив движения, заставив испражняться, словно я животное.

Что потом? Нет, не нужно думать о «потом».

Я ничего не хотела знать о будущем, кроме единственного: когда же меня убьют, сделают то, ради чего похитили.

Интересный вопрос, надо заметить. Ради чего меня похитили?

4

Самое жуткое – неизвестность, полное отсутствие зацепок, которые могли бы как-то прояснить обстановку.

Итак, Леша отпустил меня, потому что я настаивала. Почему-то мне не хотелось, чтобы он провожал меня до подъезда и тем более до квартиры. Упрямая идиотка! В глубине души я считала, что еще не время для подобных шагов. Я затеяла дурацкую игру, будто мы с ним только-только познакомились и начинаем с чистого листа. Дура! Кто бы на меня ни охотился, он не стал бы ничего предпринимать при Леше. Значит, я сама виновата. Не дай я похитителю такого шанса...

Я открыла глаза и снова уставилась на участок темноты перед собой.

Надо заставлять мысль работать, пока страх окончательно не овладел мной и не превратил в безмозглую живую куклу.

Верно – кто-то обращался со мной, словно я *кукла*. Интересная, однако, мысль. Меня усадили на стул, зафиксировали, чтобы не упала и меня никто не украл. С недавнего времени я чья-то собственность.

Любопытно, что находится прямо передо мной? Может быть, пластмассовый стол с кукольным сервизом: чашки, блюдца, ложечки, чайник? У меня в детстве был такой, розово-красный, я его очень любила и всячески берегла; редко давала даже близкой подруге-однокласснице трогать эту милую маленькую посуду. Со временем, конечно, предметы терялись, исчезали без следа, как это часто происходит с игрушками, и каждый раз я горько плакала. Каждый раз пропавшая чашечка или ложечка ассоциировались у меня с проходящими годами, с тем, как безвозвратно стареет мама, как ее лицо покрывается морщинками, становится все более уставшим, смиренным.

Я заплакала снова. На этот раз из-за воспоминаний. Мне было тринадцать лет, когда мама отдала кукольный набор маленькой соседской девочке, вернее, то, что от него осталось: две тарелочки, две чашки и три ложечки. Это подействовало на меня словно самое страшное оскорбление, повергло меня в шок. Было очень больно – в тринадцать лет еще плохо справляешься со своими эмоциями. Я редела тогда всю ночь, но ничего маме не сказала. Я была уверена, что детство кончилось. И почти не ошиблась.

5

Я не имела понятия, сколько времени и сколько уже сижу на этом стуле в холодном помещении. Никто не пришел. Я ничего не слышала, кроме очень далекого, призрачного звука капающей по соседству воды. Мне приходилось гнать мысли о воде, хотя это была немыслимая мука. Во рту пересохло, я не могла толком сплотнуть горько-кислую слюну. Она склеила мне весь рот. Губы покрылись коркой, облизывать их не имело смысла, да я и не могла: челюсти не давал раздвинуть скотч. И глаза – они тоже слипались от грязи, от слез.

Я стала ненавидеть себя за свою беспомощность и безволие. Видимо, где-то я совершила ошибку и теперь расплачиваюсь.

6

Я опять кричала, на этот раз громче, отчаянней, я билась на стуле, используя минимальную слабинку держащих меня пут, пока не поняла, что сейчас снова потеряю сознание. Мне не хватало безумия. Вспышка истерики была кратковременной, но сильной. Помню, я что-то говорила в пустоту, уверенная, что мой похититель наблюдает за мной откуда-нибудь. Я умоляла отпустить меня, заверяла его в том, что я буду молчать всю-всю жизнь, ведь никакого дела мне нет до его внешности... и так далее, и тому подобное. Я брызгала каплями густой слюны изо рта, который даже не могла как следует открыть, я шевелила пальцами рук и ног. Я выдувала воздух сквозь сомкнутые зубы и от мысли, как нелепо и жутко это выглядит со стороны, распалялась еще больше. Я выла, шипела, дергалась и не могла добиться ничего.

Сознание осталось при мне. Я закрыла глаза, ощущая, как внутри меня тлеют раскаленные угли, прямо на моих внутренностях. Боль от их прикосновений растекалась по всему телу. Это был страх, его материальное воплощение. Его можно было потрогать, если бы не мои привязанные к подлокотникам руки.

Снова пришло это. Сумрак. Состояние между сном, явью, и потерей сознания. Я спасалась в нем, когда больше никуда не могла деться.

7

Был понедельник, девятое ноября, когда меня похитили. Мне удалось это вспомнить, тут воспоминания оказались четкими. День начинался плохо, у меня было жуткое настроение, болела голова. В автобусе по пути на работу меня вывели из себя, и я готова была закатить кому-нибудь дикий скандал. Обошлось. Леша успел до меня дозвониться еще до начала работы, мы назначили встречу. С этим все ясно. Я доработала до конца, и меня не задержали, а когда вышла из здания, увидела Лешу. Как сейчас помню, он стоял и курил, читая объявления на столбе. Я помедлила, поборола искушение убежать, пока он не заметил, однако посчитала, что это глупость. Раз обещала, изволь держать слово. Вечер получился отличным. Я не пожалела. Все шло отлично, пока не случилось *это*. Наверное, меня схватили по ошибке, намеревались украсть другую женщину. Но попалась я. Не существует причин, по которым меня надо похищать. Я была уверена в своей правоте. За меня не получить выкупа, никто из моих знакомых не попадает в категорию богачей, никто не раскошелится на десятки тысяч долларов во имя моего освобождения.

Я раздумывала над причинами похищения и прорабатывала различные версии. По крайней мере, так мне было чем занять мозг, помочь ему бороться с отчаянием и ужасом. Что происходит с человеком, когда его похищают с целью выкупа? Преступников, как правило, несколько. Это известно большинству обывателей из криминальных хроник. Одни люди сторожат пленника, другие работают над выкупом, предъявляют родственникам требования, назначают встречу и обговаривают условия передачи денег. Все ясно. О таких вещах говорят сотни, если не тысячи фильмов и телепередач. Похищенный оказывается в каком-нибудь подвале, его приковывают наручниками к батарее, например. Ему завязывают глаза. Ему остается ждать развязки.

Я сравнивала то, чего нахваталась из телевизора, с тем, что произошло со мной. Никакой реальной связи, кроме самого факта похищения. Я одна неизвестно сколько времени – и, возможно, буду сидеть на этом стуле, пока не умру от голода и жажды, предварительно лишившись рассудка. Для чего, спрашивается, понадобилось раздевать меня? Привязывать вот так к стулу с дырой в сиденье? Лишать возможности двигаться и даже смотреть по сто-

ронам? Вопросы требовали ответов, и мозг, еще не потерявший способность логически мыслить, выдвигал одну гипотезу за другой. Впрочем, все они были маловероятные.

Никому не нужен выкуп. Глупости. Чушь. По-моему, слишком сложно для обыкновенных бандитов, решивших подзаработать. Даже для тех криминальных элементов, которые специализируются на взятиях заложников. Подобным образом поступают лишь ненормальные, маньяки, похитители, насильники, извращенцы, которым нужна сама жертва – объект для воплощения собственных фантазий.

Получается, я и есть кукла, которую кто-то купил в магазине собственного большого воображения. Моя догадка недалеко от истины. Я стала чьей-то вещью. Пока я нахожусь здесь и размышляю, кто-то готовится поиграть со мной. Что будет, что впереди? Наверняка меня убьют... в конце, после того, как мое тело превратится в кусок мяса... Изнасилование, увечья, издевательства, пытки. Я думала обо всем этом, ощущая, как внутренности сжимаются от ужаса, а из легких словно кто-то выкачивает воздух. Что мне делать? Что я могу предпринять в таком положении? Похититель предусмотрел все мои вероятные шаги к освобождению. Это место было подготовлено заранее; сюда принесли стул, сделанный, видимо, с определенным расчетом, запасли скотч и те железки, которые фиксировали мою голову.

Другая мысль просто чуть не заставила мое сердце разорваться: я не первая. Какие-то женщины были у этого чокнутого до меня, поэтому процедура захвата и определения в камеру смерти отработана до мелочей. Разве нет? Похититель действовал быстро, дерзко, но ни на секунду не теряя хладнокровия. Ничего общего с психопатом, который орет с пеной у рта и бросает с ножом на всех подряд.

Я попала к расчетливому убийце, который точно знает, что ему нужно. Такой вывод я сделала после многочисленных попыток докопаться до истины, но не приблизившись к ней ни на йоту. Я по-прежнему ничего не знала, ни до чего не могла дотянуться, исключая вещи и факты, лежащие на расстоянии вытянутой руки.

Сколько женщин уже сидели на этом стуле? Желудок мой сжался, но рвоты, конечно, не было. Спазм прокатился по пищеводу до горла. Во рту только стало чуть больше слюны, которую я проглотила.

На моем месте наверняка сидела мертвая женщина, чьих останков никогда уже не найдут.

Опять легкое скольжение во мрак беспамятства.

Я хочу домой. Я хочу, чтобы все это кончилось. Пусть он меня отпустит.

8

Видение было реальным, вещественным, сочным. Я иду по улице, а рядом шагает Леша. Мы о чем-то болтаем и едим мороженое на палочке. Мне точно известно, что мы уже начали новую жизнь, оба мы вышли на старую орбиту, намереваясь совершить еще одно путешествие. К чему оно нас приведет?

Леша рассказывал анекдоты, старюшие, несмешные, однако я не обращала на это внимания. Мне было комфортно и безопасно. Впрочем, недолго.

В следующий миг, повернувшись, я увидела, что у Леши нет лица. На его месте зиял черный провал, из которого раздавался гулкий смех. Я закричала. Провал расширялся, поглощая тело Леши, оставляя на месте сожранной плоти только тьму. Леша исчез, а тьма начала пожирать весь мир вокруг меня. Я пробовала бежать, но не могла.

9

Перебирая без конца в уме события того понедельника, я почувствовала, как мое сознание покрывается трещинами. Надо это прекратить, иначе я сойду с ума. Толку от моих умствований нет ни малейшего. Если ничего не делать, можно свихнуться, но если заниматься чем-то однообразным без надежды на что-то другое, безумие придется еще быстрее.

Что делать? Миллион раз я уже повторила этот вопрос.

Я снова думала о времени. Понедельник, девятое ноября. Я спала много раз, подавленная стрессом, страхом, чувством безнадежности. Пробовала таким образом спастись внутри себя, найти надежное укрытие, чтобы отрешиться от происходящего. Несколько раз теряла сознание, видимо, на долгий срок. Я не могу сказать, прошли сутки или нет. А может, пролетели уже не одни? Несколько дней? Чувство голода успело слегка притупиться, как бывает при значительном воздержании, но жажда была чудовищной. Пожалуй она являлась сейчас самым главным моим мучителем. Я мечтала о воде, я согласилась бы на грязную, тухлую, воняющую, только бы пить. Телу нужна влага. У меня болело все тело, каждая мышца, каждая кость. Если бы не путы, я бы давно упала на пол и умерла, счастливая от того, что сидеть больше не нужно. Я не буду сидеть больше никогда, ни при каких обстоятельствах... если только вернусь на свободу! Я утомлена, но еще не измождена, в организме сохранились запасы энергии. Помимо жажды был голод – серьезная угроза. Я уже чувствовала, как скотч, схватывающий мой живот, немного ослаб. Из-за того, что живот втянулся. Хорошо это или плохо? Ну что мне толку от такого послабления? Вот если бы руки или ноги удалось сдвинуть с места!..

Много времени. Очень много времени. Оно продолжает течь, идти, бежать, мчаться. Я начала бормотать что-то, неразборчиво, и не понимала, что эти звуки издаю я.

Почему он не приходит? Пусть уже начнет свою игру, начнет и закончит. Я быстрее умру от неизвестности и одиночества. Наверное, он этого и хочет. Привязанности. Чтобы всякий раз при его визите умоляла его остаться. Он психопат. Ублюдок. Тип с наследственными нарушениями психики. Вероятно, я детстве он хотел быть девочкой и играл в куклы втайне от матери, а сейчас воплощает свои стремления и грезы вот таким способом. Отрывает куклам головы, руки и ноги.

Он не дожидается, что я буду умолять его о чем-то! Я сказала это себе и испугалась. Почему я так уверена? Я не имею понятия, что он задумал сделать со мной. Кем я буду после всего? Чем я буду после всего?

Невыносимо было об этом думать, но я заставляла себя, считая, что так я морально подготовлюсь к будущему. Глупый расчет.

Думать, безусловно, необходимо. Мозг – единственное, что мой похититель не смог поработить. Я мыслю, значит существую. На латыни «Cogito ergo sum» – я помню из университетского курса. Для меня это была в те минуты абсолютная истина.

10

Холод. Иногда он был еще более жесток, чем голод или жажда. Я погружалась в дрему и просыпалась, по ощущениям, через десять-пятнадцать минут потому, что сквозняк вытягивает из тела жалкие крохи тепла. Кажется, у меня уже не было ни бедер, ни ягодиц. Промежность болела, болевые импульсы поднимались вверх, к мочевому пузырю, а там боль превращалась в невидимую крысу, которая прогрызает себе путь через мои внутренности. Холод. Пальцы на ногах, несмотря на то, что я постоянно двигала ими, онемели, так же, как лодыжки. Из-за стягивающего икры скотча кровь не могла в полном объеме доносить кис-

лород до клеток. Вполне возможно, скоро начнется отмирание тканей. Я лишусь ног. Гангрена поползет вверх, от пальцев к коленям и бедренным костям. Никто ко мне не придет. Через несколько лет, в лучшем случае, некие люди наткнутся на женский скелет, сидящий на стуле. Тогда мне уже будет все равно, меня не будет доставать сквозняк, голод, боль, онемение. Как хорошо!

Пальцы рук имели большую подвижность, и я пыталась хоть как-то разогнать кровь ими, но понимала, что это не поможет. Я вошла в знакомую сумеречную зону. Я слышала исходящую от меня вонь. Однажды я почувствовала необходимость опорожнить кишечник, и теперь не помню, когда это случилось. В помещении, где я находилась, жутко воняло. Воняла я, воняло моим потом, мочой, страхом, воняло дерьмом. К этому я почти привыкла. Сидя в сумраке ты не очень-то обращаешь внимания на такие мелочи. Ерунда, честное слово. Вонь – ерунда.

Внезапно я задрожала. Во мне не осталось тепла. Никакого, ни на грош. Меня трясло. Я бы стучала зубами на все помещение, если бы скотч. Я чувствовала даже, как трясется моя грудь.

Истеричный приступ смеха. Я хохотала, корчась в агонии, хотя не могла ни на сантиметр изменить положение тела. Я выдувала сквозь сомкнутые зубы воздух, а рот переполняла горечь. Из голодающего тела выходил ацетон, печень выбрасывала в желудок желчь, которая поднималась по пищеводу и попадала на язык. Сердце, не получающее подпитки в виде калия, билось неровно и даже будто бы останавливалось на миг, стоило мне поднапрячься. Да, время шло, а я таяла словно свечка.

Я смеялась, хотя со стороны это, наверное, выглядело жутко. Казалось, в комнате душили человека, который пытался глотнуть воздуха, в то время, как его горло сжимали все сильнее. Я бы не хотела умереть от удушья. Дайте мне порцию яда, только мгновенного. Не хочу больше мучаться.

Я смеялась. Мои губы между двух вертикальных полос скотча вывернулись наружу и, вероятно, походили на два куска залежалого мяса. Я уже не чувствовала и их. На губах лежал слой грязи и засохшей слюны. Отсмеявшись, я принялась орать. Я собрала всю силу, оставшуюся решимость и отчаяние. Крика все равно не получилось. Из моего рта вылетал все тот же кошмарный звук. Когда у меня заболело горло, я опять лишилась сознания. Иначе бы не смогла остановиться.

Глава девятая

1

В какой-то момент мысли приобрели ясность. Я выскочила из темноты в серость, а потом в зону, где для меня существовали запахи и звук. Я не потеряла способность к слуху и обонянию.

Свыкнувшись с болью во всем теле и даже отмечая, что она как будто стала меньше, я сидела и вдыхала прохладный воздух. Дерьмо и моча чувствовались не так явственно. Вонючий пот покрывал кожу многослойной невидимой коркой. Я не думала о нем, потому что не видела в этом смысла.

Я анализировала то, как воспринимаю окружающее. Видимо, мне удалось преодолеть кризис, вызванный голодом, и организм частично приспособился. Я читала, что так бывает с теми, кто решил заняться голоданием. Примерно, на третий-четвертый день тяга притупляется и становится не так некомфортно. Сознание становится ясным, а мысли кристально чистыми. Это правда. Нечто подобное я начала испытывать выйдя из очередного обморока, длившегося, по моим прикидкам, не меньше трех часов.

Странно, но теперь мой слух обострился. Я слышала, как тихо капающая в соседнем помещении вода гремит словно колокол. Она падала на какую-то железку. Я улавливала вибрацию этого металлического предмета, размышляя над тем, что мне дает новая способность. Пожалуй, ее можно использовать только для одного – «просканировать» ближайшее пространство. Может быть, мне удастся услышать нечто помимо звука капель? Информация, вот в чем я нуждалась больше всего. Информация является оружием, даже для людей, оказавшихся в таком положении.

Я вслушивалась, стараясь переключиться на что-то другое, кроме звука воды. Меня не ожидало ничего хорошего. Видимо, я находилась под землей, либо в помещении, тщательно изолированном от внешнего мира. Ничего. Ни голосов, ни рева автомобильных моторов, ни грохота трамвайных колес по рельсам. Надо мной тоже ровным счетом ничего не происходило – например, если бы я сидела в подвале, то иногда до меня доносились бы глухие удары ног в половицы. Во всяком случае, если это и подвал дома, то дом нежилой.

Это плохо. Я нахожусь в полнейшей изоляции. Даже если бы я имела возможность кричать во весь голос, меня бы не услышали. Похититель отлично рассчитал условия моего содержания, отсекая любые возможности воспользоваться одиночеством. То, что я до сих пор одна, означало, что он уверен: пленница не убежит. С другой стороны, он может наблюдать за мной в какое-нибудь отверстие в стене или дверной глазок. Или установил видеокамеры. Нет, видеокамер здесь нет. Ему пришлось бы следить за ними, к тому же, я слышала где-то, что они издают при работе определенные шумы. Я бы их уловила. Но как насчет крошечных шпионских камер?.. Я не знала. У меня стала болеть голова. Несколько минут назад я радовалась тому, что до сих пор не теряю способность думать и анализировать. Сейчас на меня снова навалилось привычное отчаяние. Стоило подумать, что маньяк сделает со мной, как срабатывал невидимый переключатель, – и я становилась дрожащим от ужаса животным, готовым на все. Во мне уже не было решимости отстаивать собственное достоинство.

Я не желала умирать. Контржелание. Не умирать! Ради этого я готова подчиняться.

Вдохнув всей грудью, я попыталась удержать плач, но не сумела. Опять сидела и всхлипывала, дрожа. Мне никак не удавалось успокоиться, в голове кружился какой-то темный холодный вихрь, и хотелось сойти с ума, чтобы ни о чем не думать.

2

Чем дальше, тем хуже... Наверное, меня зовут Людмила Прошина... С другой стороны, вероятно, меня никак не звали, никак не зовут... Я вещь. Я заброшена в кладовку, потому что ко мне потеряли интерес...

Я очнулась, но не открыла глаз, потому что не имело смысла. По мне что-то ползло. По правому бедру. Нечто маленькое, многоногое, неторопливое. Это существо знало, что я не причиню ему вреда. Я напряглась. Ползущее создание замерло. Удивительно, но я ощущала каждую его лапку – кожей на бедре. Мне казалось, что она сделалась как язык, с таким же количеством рецепторов. В качестве компенсации за зрение у меня стали развиваться обоняние и осязание, а также слух, который пока ничем не мог помочь.

По бедру полз таракан, видимо, крупный рыжий пруссак. Я представила себе его внешний вид и ощутила шевеление в желудке. Я хотела съесть эту тварь, запихнуть в рот и сжевать, потом проглотить, использовать его питательные вещества. Еще в школе нам объясняли, что насекомые – это кладези чистого протеина. Насекомых преспокойно употребляют в пищу в Юго-Восточной Азии, это отличный источник белков, который мне бы не помешал.

Таракан пополз дальше. Вверх. Я подбадривала его мысленно, чтобы он добрался до моего рта. Вряд ли я сумею схватить его, но приятно было думать, что я тут не одна. Пусть поползает по мне еще.

Я вспомнила, что когда-то, в другой своей жизни, боялась любых насекомых тварей. В детстве могла устроить дикий вой по поводу залетевшей в комнату бабочки, а уж если на руку садилась стрекоза или лесной клоп, истерика была обеспечена.

Но разве речь идет обо мне?

Странно. Таракан, ползущий по телу, стал почти родным.

– Ползи, – сказала я своим новым способом. – Ползи, родной. Вверх.

Он опять остановился. Видимо, его привлекала грязная, липкая потная кожа. Таракан питался ею, моим ужасом, выделениями, кожным салом.

Я судорожно вздохнула, и от этого мое сердце болезненно забилося.

– Ползи куда-нибудь! – прошипела я.

Таракан послушался, перебрался на живот и прошел под обвисшей лентой скотча. Обвисшей... Я раньше не думала, что мои путы не так серьезны и прочны, как могло показаться. Скотч рассыхается, на него садится грязь, пыль.

Думай! Чем это мне поможет? Думай.

Таракан быстро добрался до моей груди и пополз по ложбинке, где выступала грудная кость. Я знала, что он ступает по этой кости, прикрытой сверху слоем истончившейся кожи. Насекомое опять задержалось, и я застонала. Схватило живот, где-то ниже желудка возникло жжение. Чем я буду испражняться, если в кишках уже ничего не осталось? Я хотела есть, меня мучила жажда, я находилась на пороге смерти. Голод тяжелым камнем все сильнее давил на внутренности. Внезапно мне захотелось вложить в свой вопль все оставшиеся силы и не переставать кричать, пока порядком ослабшее сердце не остановится.

Казалось, мимо меня летели не часы, не шли дни, а мчались недели.

Я умираю, подумала я, улавливая увеличение сердечного ритма. Каждый удар отдавался в теле словно в пустой бочке.

– Ползи родной, – прошипела я, толком не зная, для чего мне это мерзкое создание.

Нет – не мерзкое создание, а мой единственный друг! Мне уже не хотелось его съесть. Мысленно я пробовала установить с ним контакт, выяснить, о чем он думает. Хорошо ему в эти минуты или он озабочен домашними проблемами? Изменяет ли он жене? Сколько у него детей? Десять тысяч? Двадцать?

В следующее мгновение я сказала себе: «Если не перестанешь, ты свихнешься! Заткнись!»

Что там насчет скотча? Я не могла вспомнить. Все воспринимала через какую-то пленку, отделяющую меня от истины на пару сантиметров. Будто плавала я неподалеку от поверхности воды, но не в силах была всплыть, чтобы глотнуть воздуха. Я представила, как мою ногу удерживала стальная цепь, прикрепленная к чему-то на дне этого жуткого водоема.

О чем думает таракан? О чем думаю я? Как меня зовут?

3

Это начинало надоедать – постоянное погружение в обморок и кратковременное пребывание в нем. Впрочем, кратковременное ли? Неважно. Уже совершенно неважно.

Моему носу стало щекотно. На нем что-то было. Оно двигалось. Я сидела не шевелясь, мне даже не приходилось прилагать усилий к тому, чтобы не производить движений. Похититель избавил вашу покорную слугу от этого тяжелого труда. Меня примотали к стулу с дырой в сиденье скотчем за двадцать пять рублей моток.

Я вспомнила о таракане. Оказывается, он все еще тут. Он добрался до моего носа, совершил своего рода подвиг, покорив головокружительную вершину. Его собратья могут гордиться. Стоят, наверное, где-нибудь в стороне и наблюдают в крошечные бинокли.

Боль. В мочевом пузыре точно перекатывалось раскаленное толченое стекло, промежность высохла, я чувствовала, что там у меня просто кусок сушеного мяса. Правильно – зачем она мне, если я скоро умру?.. Я засмеялась, автоматически шевеля пальцами рук и ног. В этом занятии есть очарование, могу поспорить с кем угодно... Постепенно я переходила в какое-то иное состояние тела и разума. Даже сквозняк перестал меня беспокоить, мысли текли, в основном, плавно. Эмоции все меньше выходили на свет, всплески были, но не такие яростные, как раньше. Отмирала часть моей личности, может быть, умерла уже давно и безвозвратно.

Что еще меня ожидает? Я обратилась с этим вопросом к моему другу. Должно быть, нелепая картина, сюрреалистическая бредятина: связанная голая женщина, а на кончике носа у нее таракан. Он, конечно, отказывался со мной разговаривать. Наверное, даже не знал, что я еще жива.

Таракан обследовал мой нос, переползая с места на место, а мне было ужасно щекотно. Я пошевелила носом. Таракан переполз на переносицу, остановившись у границы куска скотча. Нет, дружок, подумала я. Нам с тобой не о чем говорить. Исхитрившись подогнуть верхнюю губу и выпятить нижнюю, хотя это и было больно, я дунула. Таракан исчез. Взлетел вверх и пропал.

Вот теперь я опять совсем одна... Еще была мысль о скотче, но сейчас ее было еще труднее поймать, чем раньше. На нее налезало что-то другое, аморфное, пугающее, нелогичное. Мне показалось, что это призрак приближающейся смерти. Хорошо бы. Побыстрее.

Я собиралась как-то подстегнуть мыслительный процесс, собрать воедино все, что я знаю о своем похищении, о том, к каким выводам я пришла, но ничего не получалось. Я сидела в кататонической неподвижности. Не было сил даже двигать пальцами. Кажется, наступила стадия опасного физического истощения.

Для меня было важно думать. Но я не могла.

4

Только боль и неудобства давали понять, что мои тело и разум по-прежнему существуют. Выходит, я по-прежнему жива.

Втянув носом воздух, я поняла, что простудилась. Дышать становилось все труднее из-за соплей, уровень которых в носу все увеличивался. В горле разгорался очаг боли, было чувство, что мне ободрали наждаком заднюю стенку ротоглотки. Вдобавок к этому стало болеть мягкое небо. Навалилось все сразу, оставалось дожидаться ломоты в мышцах, как бывает при гриппозной инфекции.

В *другом* мире, где я носила одежду, пользовалась туалетом и ела всякую чушь, я всегда болела по одному сценарию. Сначала начинала раскалываться голова, потом тело охватывала боль, ломота вплоть до трясучки, меня морозило от малейшего движения воздуха. Затем опухало мягкое небо, не дающее мне спать, а затем приходил и насморк. Я выключалась из повседневности напрочь, но продолжала ходить на работу и выполнять свои обязанности. Мой разум прятался в глубокую нору и смотрел оттуда, ни на что не реагируя. Я ненавидела болеть. Там, в *другом* мире, я считала, что болезнь отнимает мое время, унижает, изнуряет, вяжет по рукам и ногам.

Я страдала физически и морально, даже будучи полной сил. Можно себе представить, чем простуда обернется для меня здесь. Болезнь только набирает обороты, вспышки ее ярости и безумия впереди. Следующие сутки будут как никогда тяжелы, и, скорее всего, мне их не пережить.

Было в этом только одно утешение: впад в бредовое состояние, вызванное, скорее всего, гриппом, я больше не приду в сознание. Моя смерть будет незаметна и без боли. Надеюсь.

Вероятно, это и есть выход из положения.

5

Ничего вокруг меня не изменилось за последние часы, а мое состояние все хуже и хуже. Ломоты – что странно – нет, зато жутко болит горло. Из носа течет, и я даже не в состоянии облизнуть губы. По крайней мере, они немного увлажнились, хотя ума не приложу, откуда в моем организме влага.

Я напрягаю ослабшие мускулы руки и ног, пытаюсь выгибать спину. Я добила только одного – спина уже не так сильно прилегает к перекладине на уровне лопаток. Когда меня привязывали, под кожей на бедрах, ягодицах и туловище было больше жировой ткани. Теперь я чувствовала себя свободней, хотя скотч по-прежнему мертвой хваткой держал руки, ноги и голову.

Несколько минут активных упражнений меня вконец измотали. На коже выступил густой вонючий пот, его запах лез мне в ноздри, еще не до конца забитые соплями. Я сдувала то, что попадало мне на губы, но все равно капли ползли по подбородку и падали на грудь.

Остановившись, я долго вдыхала и выдыхала, собираясь с силами. Скотч во многих местах разохся, думала я. Это первое. Второе... пот наверняка способствует размыканию кожи и липкого слоя ленты. Разве нет? Мне надо воспользоваться этим, пока я в состоянии что-либо делать. Если в результате движений мне удастся вспотеть еще больше, то это будет победа. Главное – не останавливаться. Просто и ясно.

Я перестала чувствовать голод и жажду, или просто внушила себе не обращать на них внимание. Пусть отправляются куда подальше, у меня на повестке дня уйма других дел. Некогда.

Я решила двигаться и понемногу растягивать скотч. Теперь, правда, мне приходилось бороться не только с обычной болью от долгого неподвижного сидения, но и с простудой. Воздуха не хватало, приходило втягивать его через плотно сжатые зубы. Попутно я старалась разомкнуть челюсти, чтобы скотчевая повязка хоть немного дала мне свободы. Много минут прошло, прежде чем я в полуобморочном состоянии остановилась. Кровь под черепной

коробкой пульсировала. Мозг сокращался точно большое дополнительное сердце, словно он взял на себя функцию по перекачке крови.

У меня поднялась температура, я чувствовала бегущий по жилам с бешеной скоростью жар. Отчасти это хорошо. Нужно пропотеть. Заставить кожу выделять хоть что-то.

У меня нашлось занятие, и была благодарна тому, что так экстремально сбросила вес. Об этом я думала совсем недавно, но не могла найти нужное направление для мысли. Пусть живот опал и груди обвисли, пусть я стала похожа на скелет – я буду рада, если это поможет мне освободиться.

Кажется, возникли некоторые подвижки. Я могла теперь разводить челюсти на несколько миллиметров. Это победа! Она далась мне нелегко – я была на грани очередного обморока, если не первого в жизни сердечного приступа, – но я ощущала триумф. Ни больше, ни меньше.

Не обращать внимания на боль! Тренировать мысль, двигаться! Только так можно сохраниться.

Пришла другая мысль, отрезвляющая. Для чего? Рано или поздно появится похититель. Он не будет счастлив, заметив, что пленница продвинулась на пути своего освобождения непозволительно далеко, что она вообще вздумала этим заниматься... За этим открытием наверняка последует жестокое наказание, ограниченное лишь единственным – фантазией исполнителя. Стоит задуматься, правильно ли я поступаю.

Вернулся страх, жгучий, необузданный, подталкивающий меня к бездонной пропасти полного распада. Я напрягла руки и ноги, стремясь всеми силами оторвать их от стула. Мои ягодицы теперь почти свободно отрывались от сиденья. Полоса скотча, которая была на животе, вовсе мне не мешала. Я плюхнулась обратно, не добившись почти ничего. Руки и ноги по-прежнему в плену. Да еще голова. Не помогает освободить ее даже то, что волосы стали скользкой, пропитанной потом и грязью паклей. Железная шутовина и скотч хорошо выполняли свою работу.

Многие женщины пытались делать это до меня – освобождаться от пут. Некоторым, вероятно, везло больше, чем мне. Например, они освобождали руки, если допустить, что похититель просчитался и не примотал предплечья плотно. Что дальше? Пленница долго сражается с головными и ножными путами, а когда наступает долгожданный момент освобождения – при условии, что она не упадет в обморок от слабости, – обнаруживается, что ноги не могут идти. Кровоток в конечностях нарушен, они просто не в состоянии удержать вес тела. И это не все. Пленница без одежды, измождена голодом и жаждой, она идет к двери и обнаруживает, что та намертво закрыта. Все напрасно. Ей придется умереть здесь, в холодной комнате, на грязном полу.

Я думала об этом и рисовала в уме живые и кошмарные картины. Мне ничего не известно. У меня нет ни крупицы нужной информации. Моя борьба бессмысленна. Мысленно я кричу. Тьма окутывает меня, доказывая, что я права. Лучше всего смириться. Возможно, тогда он не будет убивать меня долго и мучительно.

От моего чувства триумфа ничего не осталось, точно его вымело из меня порывом ураганного ветра. Осталось грызущее назойливое отчаяние. Страх смерти. Боль.

Мне казалось, я давно мертва.

6

Ну когда же он придет? Я не могу больше ждать. Дайте мне умереть, пожалуйста...

7

Сюда, наверное, идут мне на помощь. Не может и быть по-другому! Какая же я дура была – смешно вспомнить.

Меня идут спасать. Группа захвата уже проникает в помещение. Вот я слышу их короткие реплики...

Идите, спасите меня! Я прошу.

8

Я хочу позвонить маме. Можно?

Как? Я не помню... Умерла? Нет... Почему мне не сказали? Мамочка...

9

Я ревела постоянно, даже не отдавая себе в том отчета, и слезы частично расклеили нижний край полосы скотча, который прилегал к скулам. Я заметила небольшое призрачное пятнышко света, когда скосила глаза вниз. Сначала подумала, что мне кажется. Галлюцинация, не больше. Я ведь даже не помню, как выглядит свет. Часть мозга, в которой хранилось это воспоминание, кажется, приказала долго жить.

Нет, пятнышко света все-таки есть. Выходит, я сижу не в полной темноте, как раньше думала. Комната не целиком изолирована – ну хотя бы вспомнить про непрекращающийся сквозняк. Липкая повязка на моих глазах стала отходить. Немаловажно и то, что похититель лишь закрыл мне глазные впадины, а не приклеил скотч к векам. У меня есть крохотный шанс движениями мускулов на скулах и носу расширить образовавшийся зазор.

Этим я и занялась в безумной надежде, что скоро смогу видеть хотя бы часть моей камеры смертников. После очередного долгого то ли обморока, то ли сна, я пришла в себя немного посвежевшей. Сопли не текли, зато забили нос напрочь. Пришлось приложить усилия к тому, чтобы расширить расстояние между челюстями. Скотч поддавался, растягиваясь, хотя и медленно. Борьба с ним отнимала много сил. Я дышала через рот, внутри которого лежал сухой распухший язык. Я старалась не думать пока об этой проблеме. В прицеле – повязка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.